

IV Международный съезд славистов

Доклады

П. Н. БЕРКОВ

**РУССКО-ПОЛЬСКИЕ
ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ
В XVIII ВЕКЕ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1958

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
—
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ СЛАВИСТОВ

П. Н. БЕРКОВ

РУССКО-ПОЛЬСКИЕ
ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ
В XVIII ВЕКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1958

Изучение русско-польских литературных связей не принадлежит к числу тем, особенно привлекавших внимание исследователей. Количество научных работ, посвященных этому вопросу, очень невелико, и затрагивают они только отдельные факты, преимущественно XIX—XX вв. В полном объеме русско-польские литературные связи никогда еще не были предметом специального научного изучения. Больше того, до сих пор не было сделано ни одной попытки обобщить даже то немногое, что по этому вопросу написано литературоведами обоих народов.

Впрочем, не лучше обстоит дело и с изучением польского влияния на русский язык и русского влияния на польский. За исключением одной с небольшим страницы в «Очерках по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.» В. В. Виноградова (изд. 2, М., 1938, стр. 32—33), посвященной польскому влиянию в среде русской дворянской аристократии XVII в., мы располагаем совершенно устаревшей и малосодержательной магистерской диссертацией С. И. Лебедева «Историко-критическое рассуждение о степени влияния Польши на язык и устройство училищ в России» (СПб., 1848) и книгой W. A. Christiani «Über das Eindringen von Fremdwörtern in die russische Schriftsprache des 17 und 18 Jahrhunderts» (Berlin, 1906), где уделено внимание польско-русским языковым отношениям. Другие сколько-нибудь значительные работы по вопросу о влиянии польского языка на русский нам неизвестны.¹ Совсем недавно В. Р. Кипар-

¹ Ср. также: И. И. Огиенко. Иноземные элементы в русском языке. История проникновения заимствованных слов в русский язык. Киев, 1915, стр. 69—73 (Польское влияние. Влияние южпорусское).

ский признал в «Вопросах языкознания»: «Все еще плохо изучены, к сожалению, польские заимствования XV—XVII вв.»² Еще хуже обстоит дело с изучением русского влияния на польский язык. Здесь нет возможности назвать хоть что-нибудь заслуживающее внимания³.

По-видимому, причиной подобного положения вещей в старой русской и польской филологии была достаточно известная напряженность отношений между поляками и русскими, вызванная, с одной стороны, русификаторской политикой самодержавия и, с другой — шовинистическими настроениями значительной части польской буржуазии.

Дружественные связи, установившиеся между советским и польским народами во время Великой Отечественной войны и особенно после создания Польской Народной Республики, представляют прочную основу для плодотворного и необходимого для обеих сторон взаимного изучения во всех областях, в которых происходило историческое общение поляков и русских, в частности, и в сфере литературы. Написание обобщающего труда, в котором были бы освещены русско-польские литературные связи на всем протяжении жизни двух соседних славянских народов, является одной из первоочередных задач как советского, так и польского литературоведения.

Сделать это необходимо одновременно представителям обоих народов, так как только такая совместная работа сможет обнаружить материалы, неизвестные другой стороне, а известные — осветить со своих научных позиций.

² В. Р. К и п а р с к и й. Рецензия на книгу: Max V a s m e r Russisches etymologisches Wörterbuch, I, II, III (2 Lief.). Heidelberg, 1950—1955.—«Вопросы языкознания», 1956, № 5, стр. 132.

³ Небольшая польская литература о русском языке до 1911 г. перечислена в книге Э. Колодзейчика (Ed. Kołodziejczyk) «Bibliografia Słowianoznawstwa polskiego» (Kraków, 1911, str. 162—165) (Lingwistyka). Более поздние работы следует искать в общих библиографиях польского языкознания и славяноведения, перечисленных в замечательном труде Wiktora Hahna «Bibliografia bibliografij polskich» (Wyd. 2, Wrocław, 1956, str. 351—353 и 501—503). См. также ниже о неудачной работе В. В. Макушева и вызванных ею рецензиях С. Л. Пташицкого, А. А. Крыньского и И. А. Бодуэна де-Куртенэ, где слегка затронутые вопросы влияния русского языка на польский решаются в отрицательном смысле.

1. ПОЛЬСКО-РУССКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ ДО XVIII в.

Разработка сформулированной выше темы представляется нам тем более необходимой, что до настоящего времени у обоих народов существует неправильное мнение, будто польско-русские литературные связи возникли очень недавно, а в предшествующий период имели большей частью случайный характер. Принято считать, что более или менее серьезные и систематические литературные отношения между поляками и русскими сложились во второй половине 20-х годов XIX в., со времени А. Мицкевича и Пушкина. Эта точка зрения находит свое обоснование в монографии В. А. Францева «Польское славяноведение XIX века» (Прага, 1906) и в материалах упомянутой книги Э. Колодзейчика «Библиография польского славяноведения». В последней указываются польские работы по истории русской литературы с 1806 г. и переводы с русского начиная с 1808 г.⁴ Не внесла каких-либо существенных изменений в трактовку этого вопроса и специальная рецензия В. А. Францева на книгу Колодзейчика, помещенная в «Русском филологическом вестнике» (1912, № 1—2, стр. 367—392) и вышедшая также отдельным оттиском⁵.

На русском же языке мы не можем указать ни одной библиографии, где были бы сколько-нибудь подробно перечислены старые русские переводы с польского⁶.

⁴ E. K o ł o d z i e j c z y k. Назв. соч., стр. 151. Отмечу, что на стр. 154 указан перевод из Месснера (Messner) «Koszula damska» (Wilno, 1807); ср. стр. 161: «Koszula damska, prezent dla mojej żony». Powieść, p. Kubicki Stan. Wilno, 1806»; возможно, что переводы были действительно сделаны с русского, но произведение это не русское, а повесть известного немецкого писателя Августа-Готлиба Мейснера (1753—1807), изданная в России в 1802 г. в переводе М. Костогорова под названием «Женская рубашка» (В. С. С о п и к о в. Опыт российской библиографии, изд. 2, ч. I. СПб., 1905, № 6189). Точно так же указанная у Колодзейчика как переведенная с русского повесть «Мелина» (стр. 161: «Melina», powieść, p. J. Biesiekierski, Wilno, 1806) принадлежит т-ме Сталь (С о п и к о в. Назв. соч., №№ 6197—6198); русский перевод был сделан Карамзиным.— Статья «Literatura rosyjska» в «Dzienniku Wileńskim» (1806, cz. II, maj, str. 166—178) представляет перевод «Пантеона русских авторов» Карамзина.

⁵ В. А. Ф р а н ц е в. Библиография польского славяноведения. Варшава, 1912, 26 стр.

⁶ Ср. не преследующую научных целей рекомендательную библиографию Н. А. Рубакина: «Среди книг», изд. 2, ч. I. М., 1911,

Между тем русско-польские литературные связи имеют значительно большую давность, чем это принято думать.

Специальных исследований об этих связях, как уже указывалось выше, почти нет, но обильные сведения об отдельных моментах польско-русских литературных отношений рассеяны в разных старых русских и польских библиографиях, в историях литературы обоих народов, в историях славянской взаимности; поэтому ближайшая задача заключается в том, чтобы собрать и обобщить эти материалы.

К сожалению, едипственна работа, посвященная древнейшему периоду русско-польских литературных отношений, — статья проф. Варшавского университета В. В. Макушева «Следы русского влияния на старопольскую письменность»⁷ — не может быть признана убедительной после обстоятельных рецензий С. Л. Пташицкого⁸ и А. Крыньского⁹. Однако несомненным остается, что с XVI в. литературные отношения Польши и восточных славян становятся все более живыми и разнообразными.

Впервые с достаточной обстоятельностью занялся этим вопросом в 1880-х годах профессор Варшавского университета И. И. Первольф в большом труде «Славяне, их взаимные отношения и связи»¹⁰. В книге Первольфа собран обширный и интересный материал из произведений польских поэтов XVI—XVIII вв., свидетельствующий о том, как существенна была тема русско-польских отношений в польской литературе.

Однако для нас больший интерес представляют связи,

стр. 89—92; здесь указаны только изданные отдельно русские переводы произведений польской литературы XIX—начала XX в.

⁷ «Славянский сборник», т. III, 1876, стр. 166—182.

⁸ Журнал Министерства народного просвещения, 1877, май, отд. II, стр. 126—162.

⁹ A. A. K r u ś k i. Z dziejów języka polskiego. objaśnienia do rozprawy W. W. Makuszewa p. t. «Ślady wpływu ruskiego na piśmiennictwo staropolskie», wydrukowanej w czasopiśmie rosyjskiem «Sławianskij sbornik» (tom 3). Warszawa, 1879, 55 str. Ср. также рецензию И. А. Бодуэна де-Куртене в «Филологических записках». 1880, № 2, стр. 1—5 (особой пагинации).

¹⁰ И. И. П е р в о л ь ф. Славяне, их взаимные отношения и связи. Т. II. Славянская идея в литературе до XVIII века. Варшава, 1888, стр. 170—197; т. III, ч. II. Славяне западные и восточные в их взаимных сношениях, Гл. III. Поляки и русские. Варшава, 1893, стр. 1—242.

возникшие, с одной стороны, между поляками и украинцами на почве религиозно-национальной борьбы и, с другой — между поляками и русскими в период крестьянских войн конца XVI — начала XVII в.

Усилившееся в XVI—XVII вв. влияние иезуитов на государственную жизнь Польши особенно сказалось в стремлении окатоличить украинские народные массы (верхние слои украинского населения Польши в течение XVI—XVII вв. в силу классовых интересов добровольно приняли католицизм и вошли в ряды польской аристократии). Католическая пропаганда велась иезуитами, главным образом на польском и латинском языках; украинские писатели по необходимости отвечали своим противникам на тех же языках. Поэтому в течение XVII в. появляется ряд полемических произведений на польском языке, написанных тогдашними крупными украинскими писателями. Мелетий Смотрицкий, Иоанникий Голятовский, Лазарь Баранович и некоторые другие украинские деятели тех лет даже включаются на этом основании польскими библиографами и литературоведами в число польских авторов ¹¹.

Насколько существенно было для украинцев в те годы знание польского языка, можно видеть из того, что с XVII в. по конец XVIII в. последний преподавался в Киево-Могилянской академии. С самого начала она была задумана как «школа наук еллино-словенского и латинопольского письма в пачечню побожного живота в подаваню наук належных» ¹². В дальнейшем то польский язык включался в число учебных предметов, то преподавание его временно прекращалось ¹³.

¹¹ Gabriel K o r b u t. Literatura polska od początków do wojny Światowej, wyd. 2, t. I. Warszawa, 1929, str. 334, 498, 522 и др.

¹² Макарий Булгаков. История Киевской Академии. СПб., 1843, стр. 27.

¹³ Там же, стр. 54, 58—59, 77 («Вокруг нее [Киевской академии] все говорило языком польским, смешанным с малороссийским; в ней почти для всех учеников русский язык был как бы иностранный, с детства им вовсе незнакомый»), стр. 122, 156 («Преподавание польского языка находилось здесь постоянно в весьма хорошем состоянии, как потому, что никогда не было недостатка в знающих преподавателях, так и по самой легкости изучения его для питомцев. Ему обучали по грамматике, употреблявшейся в польских народных училищах»). Польский язык преподавался в Киевской духовной академии и в XIX в. (там же, стр. 216). Ср. также:

Однако не только украинцы в XVII в. овладевали польским языком. С конца XVI в. и в особенности в XVII в. политические — военные и дипломатические — отношения Москвы и Польши сделались очень оживленными и, вполне естественно, сопровождались изучением польского языка русскими. Из собранных дореволюционными исследователями материалов о знакомстве русских людей с иностранными языками видно, что по степени распространности первое место тогда занимали латинский и польский языки. Усвоение всех остальных языков имело меньшее практическое значение. Польский же был единственным живым иностранным языком, которым владели многие жители Московского государства в XVI—XVII вв.¹⁴

Некоторые из упомянутых выше украинских антикатолических полемистов даже посвящали свои польские произведения московским царевичам, объясняя это «приписание» тем, что последние знают польский язык. С. М. Соловьев привел отрывок из письма Лазаря Барановича царю Алексею Михайловичу 1672 г.; в этом письме содержалось объяснение причин посвящения книг «Жития св. отец» и «Духовные струны» (первой — царевичу Федору, второй — Иоанну): «Издах же *эти книги* языком польским, яко писах их в то время, егда поляки от имени твоего царского к скипетру коруны польские молити помышляху, да крепчайше союз мирного соединения укрепляют. Издах языком ляцким: известен бо есмь, яко царевич Федор Алексеевич не точию нашим природным, но и ляцким языком четет книги. Благоверному же государю царевичу Иоанну Алексеевичу книгу «Духовные струны» приписах, издах же языком ляцким, вем бо,

В. П. А с ч е н с к и й. Киев с древнейшим его училищем Академиею, ч. I. Киев, 1856, стр. 149.

¹⁴ И. А. Ш л я п к и н. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709 г.). СПб., 1891, стр. 66—67; В. И. С а в в а. Несколько случаев изучения иностранных языков русскими людьми во второй половине XVI в. — «Сборник статей в честь Владислава Петровича Бузескула». XXI том «Сборника Харьковского историко-филологического общества». Харьков, 1913—1914, стр. 161—162; A. C r o i s e t v a n d e r K o p. Die russischen Übersetzungen polnischer Literaturwerke. Ein Beitrag zur Geschichte der geistigen Bildung Rußlands im XVI und XVII Jahrhundert. — «Archiv für slavische Philologie», 1909, B. XXX, H. 1—2, S. 78—80.

яко и вашего пресветлого величества сигклит ¹⁵ сего языка не гнушается, но чтут книги и истории ляцкие в сладость» ¹⁶.

Вслед за С. М. Соловьевым в дореволюционной русской исторической и историко-литературной науке установилось мнение, будто главным проводником польского влияния в Москве был во второй половине XVII в. Симеон Полоцкий, переводивший, по образцу польских псалмов Яна Кохановского, «Псалтирь» на славяно-русский язык¹⁷. Рядом с ним иногда называют и Епифания Славинецкого, автора рукописного «Славяно-греко-латино-польского словаря». Вполне возможно, что эти лица действительно были особенно тесно связаны с польской культурой и пропагандировали в Москве знакомство с ней. Однако движение это было, очевидно, шире. Как свидетельствовал Симеон Полоцкий, ему самому приходилось бороться с некоторыми проявлениями интереса к польской культуре у москвичей. Во второй половине XVII в. в Москве стало модным петь положенные на музыку польские переводы псалмов, и в противовес этому Симеон Полоцкий создал свою «Псалтирь рифмотворную»¹⁸, а дьяк Василий Титов написал для нее музыку.

По-видимому, мероприятия Симеона Полоцкого и Василия Титова не парализовали все-таки польского влияния в русской пении. Заимствование польских песен («кантов» и «псалм») или, по крайней мере, их мотивов («головов») становится в России в последней четверти XVII — начале XVIII в. распространенным явлением. «Пение

¹⁵ «Синклитом» Алексея Михайловича именовали Андрея Матвеева (вероятно, это сын боярина Артамона Матвеева), стольника Богданова и князя Кропоткина, переводчиков с польского языка. См. А. И. Соловьевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. Библиографические материалы. СПб., 1903, стр. 45 (или: СОРЯС, т. 74, приложение № 1, СПб., 1903).

¹⁶ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. III. Изд. «Общественная польза», СПб. <с. а. >, столб. 806. Это письмо отсутствует в «Письмах пресвященного Лазаря Барановича» (Чернигов, 1865).

¹⁷ Некоторые материалы об отношении Симеона Полоцкого к польской литературе собраны в статье А. И. Белецкого «Стихотворения Симеона Полоцкого на темы из всеобщей истории» («Сборник в честь В. П. Бузескула», Харьков, 1913—1914, стр. 587—668).

¹⁸ Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. Под ред. П. П. Еремينا. М.—Л., 1953, стр. 213.

кантов и псалм, несмотря на их иностранное (напр. на латинское и польское) происхождение, до такой степени вошло в моду в XVIII в., что даже у ревностных поборников старины и заклятых врагов новизны и латинства — старообрядцев, в их скитах, псалмы нашли себе прочное убежище», — писал В. Н. Перетц, один из лучших исследователей русско-польских культурных связей XVII—XVIII вв.¹⁹

Возвращаясь к вопросу о знании русскими людьми XVII в. польского языка, мы должны отметить как свидетельство серьезного интереса к нему появление в это время нескольких славяно-польских и польско-славянских словарей. Так, известен «Лексикон языков польского и славянского скорого ради, изобретения и уразумения. Написан в царствующем граде Москве... лета от воплощения сына божия 1670»²⁰. Составитель этого словаря предназначал свой труд для читающих на польском или переводящих с него на славянский язык (и наоборот) — «в общую пользу обоих в единстве народов»²¹. К 1688 г. относится «Словарь польско-русский»²². Выше упоминалось о «славяно-греко-латино-польском словаре» Епифания Славинецкого. В библиотеке Упсальского университета хранится рукописный польско-славянский словарь Симеона Полоцкого²³.

Распространение знания польского языка среди московских писателей повлекло за собой появление обширной переводной литературы. В диссертации проф. И. А. Шляпкина «Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709 г.)» содержится большой список произведений польской научной и художественной литературы, переведенных на русский язык, начиная с 1568 г., когда был осуществлен перевод неизвестной нам польской летописи²⁴. По списку И. А. Шляпкина, до начала XVIII в. было пере-

¹⁹ В. Н. Перетц. Малорусские вирши и песни в записях XVI—XVIII вв. I—XIV. СПб., 1899, стр. 68—69.

²⁰ А. И. Соболевский. Назв. соч., стр. 121; В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., стр. 32.

²¹ В. В. Виноградов. Назв. соч., стр. 32.

²² А. И. Соболевский. Назв. соч., стр. 121.

²³ «Библиографическая летопись имп. Общества любителей древней письменности», вып. II, 1915, стр. 24.

²⁴ Соболевский. Назв. соч., стр. 78.

ведено не менее 75 книг польских авторов. Ряд дополнений к перечню Шляпкина можно сделать по известному труду А. И. Соболевского «Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков».

Из библиографических данных Шляпкина, Соболевского и других авторов явствует, что переводы с польского делались главным образом в области художественной «массовой» литературы, истории (хроники, труды М. Бельского, Стрыйковского²⁵, Гваньини и др.), медицины, географии и пр. Характерно, что произведения новой (для той эпохи) польской художественной литературы (за исключением псалмов Яна Кохановского) не привлекали внимания русских переводчиков. Сообразуясь с кругом своих интересов, они в основном переводили на русский язык те произведения польской письменности, которые в свою очередь представляли переработки широко известных памятников средневековых европейских литератур.

Еще сто лет назад А. Н. Пыпин в своей знаменитой магистерской диссертации писал: «Средство для перехода средневековых романтических произведений в нашу письменность доставила литература польская. Ее участие, сначала едва заметное, увеличивается более и более в XVII столетии, и сделалось тогда таким же главным источником старинного популярного чтения, как прежде византийский или южно-славянский. Определяя начало этого влияния по тем памятникам, какие до сих пор были обозначены, едва ли можно восходить далее XVI столетия; притом только к этому времени польская литература приобрела большую самобытность и пришла в столкновение с литературами западными, особенно немецкой; отсюда явились в ней многие западные произведения, потом перешедшие и к нам»²⁶.

Конечно, переведенные на польский язык западные

²⁵ Кроме указанных у Соболевского переводов (Назв. соч., стр. 79—80), см.: «Библиографическая летопись», вып. II, 1915, стр. 25 (о переводе, сделанном в 1682 г. и подаренном шведскому филологу И.-Г. Спарвенфельдту в 1685 г.).

²⁶ А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857, стр. 8. Ср. е г о ж е. История русской литературы, изд. 3, т. II. СПб., 1907, стр. 509—528. В последней работе, на стр. 544—548, приведена библиография исследований этого вопроса второй половины XIX в.

повести являлись составной частью тогдашней польской литературы, как были они составной частью и европейских литератур, в которые они тоже попадали в переводах с латинского. Поэтому, вопреки мнению А. И. Соболевского, мы имеем все основания считать московские переводы фактами русско-польских литературных отношений²⁷.

Так, А. Н. Пыпин указывал в своей книге, что с польского языка на русский были переведены «Римские деяния»²⁸, «Великое зеркало»²⁹, «Повесть об Атыле, короле угорском»³⁰, «Мелюзина»³¹, «История о Петре Златыхключей»³², «Повесть о кесаре Оттоне»³³ и др. Специальную главу своей диссертации А. Н. Пыпин посвятил «польскому литературному влиянию в XVII столетии» (стр. 249—278), где говорится о «Семи мудрецах»³⁴, об «Апофегматах»³⁵, фанециях и т. д.

Впоследствии указания А. Н. Пыпина были дополнены новыми разысканиями А. Н. Веселовского, С. Л. Пташицкого, П. В. Владимирова, В. В. Сиповского, В. Н. Перетца, А. Брюкнера, Я. Кшижановского, А. А. Круазе ван-дер Коп, Д. И. Чижевского, с одной стороны, расширивших репертуар переведенных с польского произведений, а с другой — ограничивших пределы и значение того, что Пыпин называл «польским влиянием»³⁶.

Таковы наши сведения о знакомстве русских читателей XVII в. с польской литературой. К сожалению, совершенно ничего нам неизвестно о том, были ли хоть какие-нибудь сведения в польской литературе XVII в. о современной русской литературе (кроме полемики с украинскими

²⁷ А. И. С о б о л е в с к и й. Назв. соч., стр. 50.

²⁸ А. Н. П ы п и н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских, стр. 183—195.

²⁹ Там же, стр. 198—203.

³⁰ Там же, стр. 223.

³¹ Там же, стр. 233—234.

³² Там же, стр. 235—237.

³³ Там же, стр. 238—239.

³⁴ Там же, стр. 254—256.

³⁵ Там же, стр. 261—262.

³⁶ Подробные библиографические указания собраны в книгах: П. К. П и к с а н о в. Старорусская повесть. М., 1923; В. П. А д р и а н о в а - П е р е т ц и В. Ф. П о к р о в с к а я. Древнерусская повесть, вып. I. М.—Л., 1940; А. А. Н а з а р е в с к и й. Библиография древнерусской повести. М.—Л., 1955.

ревнителями православия). На этот вопрос с полной определенностью должны ответить польские коллеги ³⁷.

II. РУССКО-ПОЛЬСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ В XVIII в.

Как ни предварительны данные о русско-польских литературных связях в XVII в., они все же свидетельствуют о том, что эта проблема так или иначе обратила на себя внимание научных кругов России и Польши. Совершенно в ином положении находится изучение русско-польских литературных отношений XVIII в. Здесь нет даже таких библиографических сводок, как указанные выше работы И. А. Шляпкина, А. И. Соболевского, Н. К. Пиксанова, В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской, а также и А. А. Назаревского. Единственная библиография с многообещающим заглавием «Из переводной литературы петровского времени» А. И. Соболевского (Сб. ОРЯС, т. 84, № 3, СПб., 1908) содержит мало материалов как раз из польской литературы ³⁸. Никаких специальных работ,

³⁷ В этом разделе своего доклада я ставил целью рассмотреть только непосредственные русско-польские литературные контакты. Поэтому мною оставлены в стороне вопросы возникновения русского силлабического стихотворства и польского влияния на русское ораторское искусство в XVII в. Кроме указанной выше литературы, см.: 1) Ф. П. Е л е н е в. Польская цивилизация и ее влияние на Западную Русь. СПб., 1863; 2) Е. Е. З а м ы с л о в с к и й. Польское влияние на русское общество в XVI—XVII вв. (рукопись, представляющая библиографические выписки, преимущественно из области археологии, нумизматики и истории искусства; хранится в Отделе рукописей Гос. публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина; шифр: Q.IV.531).

³⁸ В «Переводной литературе Московской Руси XIV—XVII веков» А. И. Соболевский писал: «В каком отношении переводная деятельность Московской Руси XVII века находится к переводной деятельности начала XVIII века, т. е. собственно петровской эпохи?.. Существенная разница между до-петровской и петровской эпохой заметна лишь в одном. До Петра переводы с польского — обычное дело, многочисленны, при Петре их уже почти нет: увеличившееся знакомство с латинским и вообще с западно-европейскими языками позволило нам усилить перевод прямо с оригиналов, минуя польское посредство» (стр. 50—51).

Из переведенных при Петре книг с польского языка наибольшей известностью пользовались «Апофегматы», изданные в первый раз в 1711 г. под заглавием «Кратких, витиеватых и правоучительных повестей, книги три». Это, как установил П. П. Пекарский, перево:

посвященных хотя бы единичным фактам русско-польских литературных связей в последующие годы XVIII в., нам неизвестно.

Принято считать, — хотя нигде это точно и отчетливо сформулировано не было, — что в XVIII в. связей русской литературы с польской не было, так как в результате усвоения произведений новых европейских литератур, а через их посредство и литератур античных, интерес к польской литературе у нас совершенно прекратился.

Собранные нами материалы опровергают эту точку зрения.

Не приходится спорить с тем очевидным фактом, что знакомство русских читателей с новыми европейскими языками вызвало к жизни обильную переводную литературу, количественно занявшую первое место среди тогдашних русских переводов. Однако в течение всего XVIII в. русско-польские литературные связи не только не прекращаются, но переживают даже известное качественное изменение и — к концу XVIII — началу XIX в. — количественный подъем. В то же время и русская тема в польской литературе продолжает развиваться, а в последней четверти XVIII в. появляются на польском языке и переводы с русского, которые по мере приближения к началу XIX в. все более учащаются. Таким образом, сведения Э. Колодзейчика о том, что переводы с русского появляются у поляков с 1808 г., оказываются неверными.

Обилие собранных нами материалов позволяет сгруппировать их в несколько рубрик: а) знание польского языка и польской литературы в России в первой половине XVIII в.; б) переводы произведений современной польской литературы во второй половине XVIII в.; в) польские литературные произведения на русские темы в XVIII в.; г) переводы русских авторов на польский язык в конце XVIII — начале XIX в.

книги Беняша Будного «Krótkich a węzłowatych powieści, które po grecku zowią Apophigmata, ksiąg czworo» (П. П. П е к а р с к и й. Наука и литература в России при Петре Великом, т. II. СПб., 1862, стр. 264 (206), 279 (220), 366 (322) и 598—599 (1 547). Подробную библиографическую сводку данных об изданиях «Апофегмат» (включая и послепетровские) см. в книге В. В. Сиповского «Очерки из истории русского романа» (т. I, вып. I, СПб., 1909, стр. 47, примечание № 149).

а) Знание польского языка и польской литературы в России в первой половине XVIII в.

Распространенность польского языка в России не прекратилась с XVII в.

В 1722 г. в Супрасле вышел славяно-польский словарь «Лексикон, сиречь словесник славенский, имеющ в себе словеса первее славенские азбучные, по сем же польские, благопотребный к выразумению словес славенских, обретающихся в книгах церковных»³⁹.

Преподавание польского языка в Киево-Могилянской академии продолжалось, хотя, как уже указывалось ранее, с перерывами не только в первой, но и во второй половине XVIII, даже в первой трети XIX в.⁴⁰ И хотя исследователь вопроса (Д. Вишневецкий) склонен был преуменьшать роль этого изучения, он все же сам привел документ, в котором Киевская академия в 1734—1742 гг. называется Полоно-славяно-латинской⁴¹. Д. Вишневецкий указывал также, что в 1766 г. в Киевской академии имелся преподаватель польского языка⁴². Однако он не повторил сведений Макария Булгакова о том, что в 1791 г. учитель истории, географии и польского языка в Киевской академии, Максим Семигиновский выпустил «Грамматику польскую для пользы и употребления российского юношества»⁴³.

Известно немало случаев хорошего знакомства русских писателей первой половины XVIII в. с польским языком. Некоторые из них даже писали на этом языке художественные произведения. Так, о Стефане Яворском — правда, еще в киевском периоде его деятельности (1689—1700) — известно, что «он обнаружил... такое искусство слагать стихи русские, латинские и польские, что киевские ученые пришли в восторг и почтили его наименованием лавроносного

³⁹ В. С. Сопиков. Назв. соч., стр. 40, № 603; П. Пекарский. Назв. соч., т. II, стр. 542, № 491.

⁴⁰ Д. Вишневецкий. Киевская академия в первой половине XVIII столетия (новые данные, относящиеся к истории этой Академии за указанное время). Киев, 1903, стр. 122—123.

⁴¹ Там же, стр. 122.

⁴² Там же, стр. 123.

⁴³ Макарий Булгаков. Назв. соч., стр. 156. С. К. Булич в своем «Очерке истории языкознания в России» (СПб., 1904, стр. 335) ошибочно указал как год издания этой книги 1701, а не 1791 г.

поэта (poeta laureatus). «И коронован бысть, — говорится о нем в одной старинной рукописи, — по чину академическому венцем неувядаемая славы...»⁴⁴

Из стихотворных произведений Стефана Яворского на польском языке известны в печатном виде только два: «Echo głosu wołającego na puszczy» (Kiew, 1689) и «Pamięć neubywającej chwały w herbowym xiężycu» (Kiew, 1691).

Нам оказался доступным только первый панегирик Стефана Яворского, написанный и изданный им до поступления в монашество, когда он носил еще имя Симеон. Полное заглавие книги таково: «Echo głosu wołającego na puszczy od serdeczney reflexyi pochodzące, a przy solennym powinszowaniu, doroczney festu patronskiego rewolucyey Jana Świętego Krzczycela iasnie wielmożnemu jego miłości P. P. Ianowi Mazepie, Hetmanowi woysk ich carskiego Przewietnego Maiestatu zaporozkich, brzmiące, głósno zyczliwego affectu resonancya. Naynizszego sługi Symeona Jaworskiego, Artium liberalium et Philosophiae magistri contummari Theologo. 1689»⁴⁵. На обороте титульного листа находится гравюра на дереве, изображающая герб И. Мазепы. Под ней шестистишие на этот герб, типичный образец геральдической поэзии:

Piękna iak iasny Xiężyc, iest Panna Przczysta,
Bo ia tak w Pismie zowie iéy Panegyrista,
Jutrenkę zaś Jan Święty piękne figuruje,
Gdzie Przedwiecznemu Prawdy Słońcu Marszałkuie.
Tu pod Krzyżem oboynu stać co za przyczyna?
Niedziw: Bo tam stać Pannie z Janem nie nowina.

Затем следует десять разной величины польских стихотворений, занимающих от 6 страниц (листов) до 1/2 страницы: 1) «Zawrzy już swo paszczękę żwawą Thracki smoku» (f. 3—4 v.); 2) «Niech kto chce złoty wiek Saturna chwali» (f. 5—6 v.); 3) «Zdarz Jazonowi rozrzutna Fortuno» (f. 7—8 v.); 4) «Szczęść Boze w droge kto przez krwawe fale» (f. 9—10 v.); 5) «Ma z tąd u świata niemało zalety» (f. 11—12 v.); 6) «Ma ten przywiley Cynthia z natury»

⁴⁴ Н. П. Петров. Киевская академия во второй половине XVII века. Киев, 1895, стр. 119 (из журнала «Труды Киевской духовной академии» за 1895 г.).

⁴⁵ Экземпляр Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, хранится в Отделе Rossica (шифр: 13.VIII.I.2871). Диакритические знаки в этом издании не соблюдаются.

(f. 13—15 v.); 7) «Dziedziczna Snych Mazepów tysię szczyci Cnota» (f. 16—16 v.); «Jedna tylko z tak wielu Swiazda w gorney Spherze» (f. 16 v.); 9) «Trzy Rzeki tam przy Raiu Historie głośzą» (f. 17); 10) «Jak potężnie ta gromi nieprzyjaciół strzała» (f. 17 v.). Вслед за этими стихами идут 8 страниц латинских, сложных по построению, стихов; завершается книга прозаическим послесловием.

Вторая книга польских стихов Стефана Яворского «Pieńnia neubywającej szały» известна нам по статье М. А. Максимовича «Книжная старина южно-русская». Книга занимает 37 листов. «Это самый замечательный и великолепный панегирик Яворского, — пишет Максимович, — которым он приветствовал митрополита Варлаама в день ангела его, 19 ноября 1691 года. Тут воспеты сначала три преподобных Варлаама: Варлаам пустынножитель, Варлаам мученик и Варлаам Печерский, а потом уж идет песнопение Варлааму Ясинскому»⁴⁶.

В принадлежавшей Стефану Яворскому, богатой по тогдашним масштабам библиотеке, наряду с большим количеством латинских и славянорусских книг, находилось значительное число и польских. Больше всего здесь было сборников слов польских церковных проповедников (П. Скарга, Ольшевский, Бирновский и др.)⁴⁷, затем шла религиозная поэзия⁴⁸ и светская («Fraszki wierszami» Я. Кохановского, «Woyna domowa» Сам. Твардовского и т. д.), книги разного содержания, например: «Apteczka domowa», «Canticum novum animi, sive Lot gołębice», «Orator politicus albo Wymowny politik» Якуба Бочиловича, «Odpowiedz na częste owo pytanie: gdzie to napisano iest?» Кароля Крейтца⁴⁹ и т. п.

Выступал со стихами на польском языке и Феофан Прокопович.

Прежде, чем мы обратимся к рассмотрению его польских произведений, следует отметить, что в курсах пиитики и риторики, читавшихся Феофаном Прокоповичем в Киево-

⁴⁶ М. А. Максимович. Собрание сочинений, т. III. Языкознание. История словесности. Киев, 1880, стр. 712.

⁴⁷ С. И. Маслов. Библиотека Стефана Яворского. — «Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца», кн. 24, Киев, 1914, вып. 2, стр. 127—128.

⁴⁸ Там же, стр. 130.

⁴⁹ Там же, стр. 133.

Могилианской академии, были многократные ссылки на польские источники. Ему были хорошо известны произведения Я. Кохановского⁵⁰, Сарбевского⁵¹, Альбина Инсса («Лехиада»)⁵², «De bello chotinensi» («Wojna chocimska» Вацлава Потоцкого)⁵³, «Gofred, albo wyzwoliony Jeruzalem», переведенный с итальянского Петром Кохановским⁵⁴, и др.

В 1709 г., по случаю Полтавской победы, Феофан Прокопович произнес на латинском языке торжественную речь, которая была тогда же напечатана в сопровождении латинских, польских и русских стихов, посвященных «той же преславной победе». Польские стихи Феофана Прокоповича — это целая поэма в 180 строк, озаглавленная «Epinicium, albo Pieśń tryumfalna o teyże przesławney wiktorii». Она не представляет буквального перевода латинских или русских стихов Феофана Прокоповича, хотя почти все образы и композиция во всех трех произведениях одни и те же. Вот начало польской поэмы Феофана Прокоповича:

Jezeli kiedy, teraz tysiąc nam ięzyków,
Y ust ystentorowych trzeba zadać krzyków
Bo ani złota twoia lutnia, Apollinie,
A ni twoia, co mleczna niby rzeka płynie.
Wymowa, Tulliuszu, dość czynić niemoze
Fortunie naszej. . .⁵⁵

Кроме «Epinicium, albo pieśń o teyże przesławney wiktorii», Феофану Прокоповичу приписывается еще стихотворение в 48 стихов «Czemu, dusze moia, tak tęskni myśl twoia?», сохранившееся в списке середины 1740-х годов⁵⁶. Сообщивший в печати это произведение В. Н. Петец указывает, что в рукописи данное стихотворение

⁵⁰ Н. И. Петров. О словесных науках и литературных занятиях в Киевской академии от начала ее до преобразования в 1819 году. — «Труды Киевской духовной академии», 1867, январь, стр. 95—96.

⁵¹ Там же, стр. 111.

⁵² Там же, 1866, ноябрь, стр. 349.

⁵³ Там же, стр. 351.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ «Panegyricus Petro Primo Dei Gratia Totius Russiae Regi atque Monocratori de devictis universis Suecorum Exercitibus». Kioviae, 1709, л. Е.

⁵⁶ В. Н. Петец. Назв. соч., стр. 115—116.

имеет заглавие «Cantus A: P: Procorowicz». Эти слова исследователь расшифровывает так: «Может быть, заглавие следует читать: «cantus Archiepiscopi Patris Procorowicz» или «cantus A P[atre] Procorowicz scriptus »...»⁵⁷ Нам кажется более правильным читать это заглавие так: «Cantus Archiepiscopi Plescovensis Procorowicz». Если это предположение соответствует действительности, то оно отчасти может служить основанием для датировки произведения: архиепископом псковским Феофан, бывший епископом псковским с 1717 г., был назначен в 1720 г., и тогда можно полагать, что польское стихотворение было им написано не в киевский, а уже в петербургский период деятельности Феофана. Впрочем, допустимо и то, что произведение это было написано еще в Киеве, и только лицо, записавшее его в 1720-х годах, пометило, что автор — архиепископ псковский Феофан.

Проявляли интерес к польской поэзии и даже писали стихи на польском языке в первой половине XVIII в. и другие выходцы из Киево-Могилянской академии, преподававшие в различных духовных семинариях России пиитику, риторику и прочие предметы. Среди них особого внимания заслуживает Лаврентий Горка (1671—1737), который сперва был учителем пиитики в Киево-Могилянской академии (здесь он подружился с Феофаном Прокоповичем и стал его верным последователем), а затем был заметным церковным деятелем той поры (он умер в сане епископа вятского). Кроме трагедокомедии «Иосиф-патриарха» (1708), Лаврентию Горке принадлежат переводы отрывков из «Освобожденного Иерусалима» Тассо, сделанные с польского перевода Петра Кохановского («Gofred, albo wuzwoliony Jeruzalem») и включенные в его учебник пиитики (1708)⁵⁸. Хотя эти переводы выполнены по правилам

⁵⁷ Там же, стр. 116. Второе предположение В. Н. Перетца никак не может быть принято, так как в XVIII в. двоеточие ставилось для обозначения сокращения слова; поэтому после предлога *a* двоеточие не могло быть поставлено, а наличие его указывает, что *a* не предлог, а сокращенное слово.

⁵⁸ Этот перевод, сделанный не только в октавах, необычных в тогдашней украинской поэзии, но и в привычных сафических строфах, по моему мнению, предшествует анонимному переводу «Освобожденного Иерусалима» с того же польского перевода Петра Кохановского; см.: В. Н. П е р е т ц. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков. Л.

силлабической версификации, все же они довольно гладки, а местами и просто благозвучны. Приведем пример из отрывка «Плутон созывает своих слуг в преисподней»:

Вострубил страшно Люцифер трубою,
Всех преисподних зовет пред собою.
Трубы сей слышан глас бысть всюду страшный
И преужасный.
Вси скокошася демоны к Плутону,
Предсташа кушно пекельному лону,
Страшные лица и очи имущи,
Огнем дылущи.

А вот октава из песни 18 — явление архангела Михаила Готфреду:

Тогда архангел Михаил огненный
Готфреду с небес восгоре предсташа,
Небесным мечем о бок оруженный,
Светом подобен весьма солнцу бяше,
И рече: «Се день прииде вожделенный:
Время Сиону от плена,— вещаше,—
Изыти. Открой, Готфреде, зеницы!
Вижь, предстоят ти небесные лица»⁵⁹.

Приведенные отрывки были первыми переводами на русский язык произведений польской художественной, хотя и не оригинальной, литературы.

В библиотеке Лаврентия Горки имелся значительный по масштабам того времени отдел польских книг: из общего числа 355 книг 235 были на латинском и польском языках. Среди последних находились стихотворения Кохановского (по-видимому, Яна), проповеди Бирновского и множество других с заглавиями в стиле барокко— «Звезда морская», «Труба гнева божия», «Призыв к покаянию», «Хлеб ежедневный», «Верификация невинности», «Flosculus myrrhae» («Цветочек мирры»), и т. п. ⁶⁰

1928, стр. 168—234, «Освобожденный Иерусалим» Т. Тассо в украинском переводе конца XVII — начала XVIII в.

⁵⁹ [А. С. В е р е щ а г и н]. Вятские стихотворцы XVIII века. (Перепечатано из «Календаря Вятской губернии» на 1897 год). Вятка, 1896, стр. 12—15.

⁶⁰ А. Б у е в с к и й. Эпизоды из жизни основателя Вятской семинарии. Вятка, 1899, стр. 13.

Под влиянием пиитики Лаврентия Горки «*Idea artis poeseos*» другой выходец из Киево-Могилянской академии, М. Е. Финицкий, составил в 1741 г. свой учебник того же предмета и под тем же заглавием; здесь он использовал указанные выше переводы из П. Кохановского⁶¹.

Из других материалов, свидетельствующих о распространении у нас в первой половине XVIII в. интереса к польской поэзии, отметим хранящуюся в библиотеке Казанского университета рукопись 1750 г., содержащую речи и стихи на польском, русском и латинском языках⁶².

Однако польский язык был в то время известен не только выходцам из Киево-Могилянской академии, но и великороссам, в том числе многим крупным русским писателям первой половины XVIII в.

Даже Кантемир, все лингвистическое и литературное развитие которого шло как будто вдали от интереса к польскому языку и культуре, оказывается, все же был связан с сохранявшейся еще в 20-е годы XVIII в. традицией изучать польский язык. Больше того, у него есть даже двустишие на польском языке. В одном из списков его произведений находятся три эпиграммы об Эзопе. Первая — известная, встречающаяся во всех собраниях сочинений Кантемира и начинающаяся словами: «Хотя телом непригож, да ловок умишком»⁶³. Вторая и третья — не входившие в собрания сочинений Кантемира; вторая — поллатыни, третья — по-польски:

Eadem latine:

Si mihi difficilis formam fortuna negavit,
ingenio formae damna rependo meae.

Polonice:

Jeżeli gładkości nie dała natura,
więc rozumem zagładzam, gdzie w gładkości dziura⁶⁴.

⁶¹ [А. С. Верещагин]. Назв. соч., стр. 15.

⁶² «Список рукописей и редких книг, хранящихся при библиотеке императорского университета в особом помещении. На 1-ое декабря 1903 года». Казань, 1904, стр. 22, рукопись № 28007 п. 24.

⁶³ Антиох Кантемир. Собрание стихотворений. Вступительная статья Ф. Я. Приймы. Подготовка текста и примечания З. И. Гершковича. Л., 1956, стр. 238 и 473.

⁶⁴ Е. В. Петухов. Заметки о некоторых рукописях, хранящихся в библиотеке Историко-филологического института кн. Безбородко. Киев, 1895, стр. 21.

Датируются эти эпиграммы, как и эпиграмма «На Езопа», 1730—1731 гг. Обе последние не являются переводом русской, состоящей из 8 стихов.

Латинский и польский тексты эпиграммы на Езопа встречаются только в одном списке произведений Кантемира, и поэтому нет полной уверенности в том, что они действительно ему принадлежат (может быть, они были только записаны им рядом с бесспорно ему принадлежащей эпиграммой, а затем переписаны составителем сборника, охарактеризованного Е. В. Петуховым). Но даже если это и так, то это показывает, что сатирик в какой-то мере владел польским языком и хотел сохранить для себя польскую эпиграмму. Может быть, в связи с этим следует не так категорично отбрасывать один из вариантов кантемировской эпиграммы «Автор о себе», четвертый стих которой читается в некоторых списках:

Что взял по-польски, — заплатил по-русски,

а в других:

Что взял по-галльски, — заплатил по-русски⁶⁵.

Не исключена возможность, что в какой-то (ранней?) редакции этой эпиграммы поэт связывал свое творчество с польской традицией.

Польским языком владел и Тредиаковский, в произведениях которого мы находим многочисленные замечания о польском произношении⁶⁶, ссылки на труды польских историков — Я. Длугоша, Кадлубка, М. Меховского, М. Стрыйковского, С. Сарницкого, М. Кромера, Пясецкого, Гвагнина (=Гваньини) и др. Он приводит в русской транскрипции цитату из «Предисловия при описании Краковской Академии»: «Вшак и мы естемы словяне»⁶⁷, пользуется «Сокровищницей полоно-латино-греческой» иезуита Кнапия⁶⁸. В одном месте Тредиаковский передает анекдот из похждений Совизжала: «Сказывают, [государь] м[ой], про некоего польского шута, именем Семизрала или Севизрала, не знаю, что он некогда обещался в некакой камере показать или высокую живопись,

⁶⁵ Антиох Каптемир. Назв. соч., стр. 237 и 471—472.

⁶⁶ Тредиаковский. Сочинения. Изд. Александра Смирдина. Т. III. СПб., 1849, стр. 30, 31, 269, 270 и т. д.

⁶⁷ Там же, стр. 368.

⁶⁸ Там же, стр. 459 и др.

или богато и искусно вытканныи обои, однако с таким уговором, что кто будет законного отца сын, тот имеет все оное и видеть. Все видели и изрываясь хвалили, хотя в камере кроме пустых стен и не было ничего, для того, что никто не хотел быть зазорным сыном»⁶⁹.

В какой мере знал Тредиаковский польскую литературу, нам неизвестно. Однако сохранился его весьма благосклонный отзыв о польской поэзии, относящийся к раннему периоду его деятельности. В «Эпистоле от Российския поэзии к Аполлину», включенной в трактат Тредиаковского «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» (1735), находится следующая краткая характеристика польской поэзии:

Чрез тебя [Аполона] гласит стихом Польская
[поэзия] спесиво,
Иногда ж весьма умно и весьма учтиво⁷⁰.

Знал польский язык и Ломоносов. На это он прямо указывал в ряде своих произведений и официальных бумаг. Так, в поданном 26 мая 1764 г. в Конференцию Академии наук мнению о работах А. Л. Шлецера по русской грамматике и истории Ломоносов писал о себе как о человеке, который, кроме древнеславянского языка (он называет этот язык «древним словено-моравским») и «всех провинциальных диалектов здешней империи», «разумест при том польский и другие с российским сродные языки»⁷¹. Ср. также список языков, составленный Ломоносовым, с его пометками против знакомых ему языков; здесь против польского языка поставлен крестик⁷². Встречаются у него также конкретные замечания, обнаруживающие знакомство с польским языком и интерес к сравнению польского и русского языков⁷³. В своей

⁶⁹ Там же, стр. 241. Орфография Тредиаковского в цитате не соблюдена.

⁷⁰ А. А. Куник. Сборник материалов для истории императорской Академии наук в XVIII веке, ч. I. СПб., 1865, стр. 46.

⁷¹ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Т. 9. Служебные документы 1742—1765 гг. М.—Л., 1955, стр. 412 (латинский текст) и 415 (перевод).

⁷² П. П. Пекарский. История императорской Академии наук в Петербурге, т. 2. СПб., 1873, стр. 950. В новом академическом «Полном собрании сочинений» Ломоносова этот документ почему-то не перепечатан.

⁷³ Подробнее об этом см. в моей статье «Славяноведческие интересы Ломоносова» в «Научном бюллетене Ленинградского гос.

«Древней российской истории» Ломоносов пользовался польскими источниками — Кроммером ⁷⁴, Преторием ⁷⁵, Длугошем ⁷⁶, М. Меховским ⁷⁷, М. Стрыйковским ⁷⁸ и др. Ему известен также Андрей Вышоватый ⁷⁹.

Труднее ответить на вопрос, был ли Ломоносов в какой-либо степени знаком с польской художественной литературой. Единственное имя, упомянутое им, — имя Кухановского, находящееся в перечне книг, составленном Ломоносовым (по-видимому, это — список книг, читанных им или имевшихся в его библиотеке). Во всяком случае, вслед за Ювеналом, Мольером, Пиндаром и Анакреоном, в списке идут Стрыйковский (у Ломоносова — Стриковский) и Кухановский ⁸⁰. По-видимому, имелся в виду Ян, а не Петр Кухановский.

Значительно меньше сведений осталось об отношении к польскому языку Сумарокова. Едва ли не самым существенным из дошедших до нас материалов по этому вопросу является довольно неточная транскрипция русскими буквами молитвы «Отче наш» на польском языке, приложенная к статье Сумарокова «О происхождении российского народа» ⁸¹. По-видимому, сведения эти Сумароков получил от кого-то из своих знакомых, может быть, от Г. В. Козицкого, происходившего из Украины. О его знакомстве с польской литературой нам ничего неизвестно.

Из мелких литературных деятелей первой половины XVIII в., знавших польский язык и занимавшихся переводами с него, можно назвать академического переводчика Кириака Андреевича Кондратовича (1703—ок. 1790). Уроженец Украины, он пятнадцать лет провел в Киево-Могилянской академии, где «на своем коште» обучался

университета» (№ 11—12. «Miscellanea slavistica. Славистические заметки». Л., 1946, стр. 40—44).

⁷⁴ М. В. Ломоносов. Назв. соч., т. 6. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747—1765 гг. М.—Л., 1952, стр. 177, 188, 189, 205, 206, 211, 254 и 285.

⁷⁵ Там же, стр. 206, 208—210, 213 и 216.

⁷⁶ Там же, стр. 211.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же, стр. 23, 40, 78 и 258.

⁷⁹ Там же, стр. 264.

⁸⁰ П. П. Пекарский. История императорской Академии Наук в Петербурге, т. II, стр. 951.

⁸¹ А. П. Сумароков. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе, изд. 2-е, т. 10. М., 1787, стр. 117—118.

латинскому и польскому языкам ⁸². Впоследствии Кондратович издал «Польский общий словарь» (СПб., 1775), являющийся первым русско-польским печатным словарем ⁸³. Для историка В. Н. Татищева он приготовил несохранившийся перевод 30 книг «О происхождении и деяниях поляков» М. Кромера ⁸⁴, а для Г. А. Демидова сделал в Екатеринбурге в 1739 г. перевод «Кратких и дознанных способов лечения болезней» с польского оригинала, напечатанного «в типографии Ясной Горы Ченстоховской» ⁸⁵.

Переводы Кондратовича продолжают сложившуюся в XVII в. традицию — переводить книги в основном исторического, медицинского и т. д. содержания. Такой же характер имеет и выдержавший два издания перевод с польского, сделанный неким А. В., под заглавием «Истолкование снов по астрономии, происходящих по течению луны» (М., 1768; изд. 2-е, М., 1772).

К этому времени в образованном русском обществе, увлекавшемся французской и другими европейскими литературами, интерес к польской поэзии падает. Один из последователей Сумарокова, С. Г. Домашнев, в своей компилятивной статейке «О стихотворстве» (1762) отразил это невнимание к польской литературе. В его статейке «Стихотворству польскому» было посвящено всего несколько строк, содержавших незаслуженно суровую — возможно, взятую из какого-либо иностранного источника, — оценку польской поэзии: «Польской язык не был способен к стихам, и хотя оные [т. е. поляки] и пишут, однако никто себя отменно не показал» ⁸⁶.

⁸² Н. С. Тихонов. Кирьяк Кондратович, переводчик прошлого столетия. — «Библиографические записки», 1858, № 8, стлб. 227. Статья эта перепечатана в «Сочинениях» Тихоноврова, т. III, ч. 2, без приложения писем Кондратовича.

⁸³ О предшествующих польско-славянских и славяно-польских словарях см. выше (стр. 9, 10 и 15); в 1692 г. был напечатан в Москве славяно-греко-латино-польский букварь. См. И. А. Шляпки и н. Назв. соч., стр. 92.

⁸⁴ «Библиографические записки», 1858, № 8, стлб. 228.

⁸⁵ А. Родосский. Описание 432-х рукописей, принадлежащих С.-Петербургской духовной академии и составляющих ее первое по времени собрание. СПб., 1893, стр. 357—358 (№№ 412—413).

⁸⁶ «Полезное увеселение», 1762, июнь, стр. 235; перепечатано в «Материалах для истории русской литературы» П. А. Ефремова (СПб., 1867, стр. 189).

Этот поверхностный отзыв исходил от человека, утратившего связь со старой традицией русско-польских литературных отношений (замиравшей к середине XVIII в.), но не примкнувшего к той новой традиции, которая стала складываться через несколько лет.

б) Переводы произведений современной польской литературы во второй половине XVIII в.

В середине XVIII в. политические обстоятельства в Европе сложились так, что многим русским людям пришлось близко соприкоснуться с польской средой и польской культурой. Внутреннее развитие польской государственности и политические расчеты европейских держав привели к тому, что русские войска под предлогом защиты диссидентов были введены в Польшу и долгое время там оставались. Русские офицеры знакомились с польской жизнью, быстро овладевали польским языком, интересовались варшавским театром, польской музыкой и литературой. Даже и малокультурные среди них, как, например, некий поручик Васильев, которого мы знаем только по фамилии, в определенной мере поддавались общему настроению и сохранили для потомства кое-какие данные о польской жизни второй половины XVIII в.⁸⁷ Не малое значение в развитии этого процесса имело и то обстоятельство, что в Польше существовала довольно влиятельная «русская» партия, часть сторонников которой проявляла интерес и к русской культуре. О роли этих «москвофилов» в попытках ознакомления поляков с русской литературой несколько подробнее будет сказано ниже; сейчас же следует отметить, что сторонники «русской» партии несомненно способствовали ознакомлению русских офицеров, находившихся в Польше, с польской культурой.

Одним из ближайших следствий этих новых русско-польских контактов было появление значительного количества русских переводов с польского языка. В отличие от предшествующего периода, когда внимание русских переводчиков было направлено на польскую повествовательную литературу и на разнообразную научную (история, география, медицина) и псевдонаучную (гадатель-

⁸⁷ «Дневник поручика Васильева». С предисловием Е. Щепкиной. СПб., 1896 («Памятники древней письменности». СХІХ).

ные и т. п. книги) литературу, в последней трети XVIII в. начинают переводить современные польские художественные произведения. Если прежде переводчики не считали нужным объяснять причины своего обращения к польским источникам, то в этот новый период ряду переводов предпосылаются предисловия, в которых делаются попытки рассказать читателям о побуждениях, заставивших переводчика заняться перенесением на русскую почву именно данного произведения. Мотивируются эти переводы желанием показать русским читателям, в чем состоит «польской вкус», то есть в чем состоит национальное своеобразие польской литературы. Таким образом, эти переводы предпринимались уже с целью познакомить русских читателей с художественными ценностями близкого народа и входили в качестве составной части в то общее направление русской литературы второй половины XVIII в., которое характеризуется интересом к эстетической проблеме «вкуса», оживленно обсуждавшейся в тогдашней русской литературной критике.

Впрочем, первое переведенное в это время с польского языка произведение не имело подобного предисловия и даже не принадлежало к явлениям новой польской литературы. Это был первый русский перевод польской народной книги о Совизжале, снискавший большой успех у читателей и выдержавший, вместе с контрафакцией, пять изданий в течение 20 лет.

Первое издание вышло в Петербурге без обозначения года и типографии и без указания переводчика. Книга была озаглавлена «Похождении нового увеселительного шута и великого в делах любовных плута Совест-Драла Большого Носа. Ч. I, содержащая в себе 20 похождений. Переведена с польского и дополнена с других языков. В Санктпетербурге» (112 стр.). Такое же заглавие имеет и ч. II (80 стр.). Так как двадцать похождений Совест-Драла во второй части занимают всего лишь 56 страниц и сопровождаются формулой «Конец Совест-драловых похождений», остальная часть книги была посвящена «Собранию разных историй» (стр. 56—65) (например, 1. О разбойнике; 2. О нечаянном случае... 16. Щастливой сон) и «Разным повестям» (стр. 66—80) (1. О злой жене... 10. Женская старость). На стр. 80 находится формула, свидетельствующая, что издание на этом завершается: «Конец второй и

последней части». Таким образом, нет сомнения, что это не имеющее даты издание «Похождений Совест-Драла» было первым: все последующие издания, о которых подробнее будет сказано ниже, имеют, начиная с издания 1781 г., три части, и в предисловии к третьей говорится о том, что ей предшествовали две части «Похождений Совест-Драла».

Таким образом, 1781 год, когда вышло второе издание «Совест-Драла», является *terminus ante quem*. Однако эту дату можно передвинуть еще на несколько лет назад. Дело в том, что в издании 1781 г., как и в изданиях 1788 (по-видимому) и 1798 гг., в третью часть чисто механически включена в русском переводе польская комедия «Мот, или расточитель»⁸⁸, первое отдельное издание которой вышло в 1778 г. (см. подробнее ниже). Таким образом, можно предположить, что первое (недатированное) издание «Похождений Совест-Драла» в двух частях вышло до перевода «Расточителя», то есть до 1778 г., и лишь затем у переводчика «Похождений» (и, по-видимому, и «Расточителя») возникла мысль объединить новые анекдоты о Совест-Драле с комедией в особую, третью часть.

Успех второго издания «Похождений» побудил переводчика выпустить в 1788 г. новое издание книги, которое без каких бы то ни было изменений и без указания места издания вышло в свет в 1788 г.⁸⁹ Это издание в русской библиографии до сего времени было неизвестно. Единственный экземпляр (только две части, 102 и 98 стр.; в конце второй части напечатано, как в издании 1781 г.: «Конец второй части», а не «Конец второй и последней части», как в недатированных «Похождениях Совест-Драла») хранится в Гос. публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина (шифр: 18. 330. 201).

⁸⁸ «Похождения нового увеселительного шута и великого в делах любовных плута Совест-Драла, Большого Носа», ч. III. М., 1781, стр. 105—250. На стр. 104 в середине восьмого похождения Совест-Драла неожиданно появляется следующая фраза: «На другой день представлена была на польском языке комедия «Расточитель», которая состоит в нижеследующих действиях»; на стр. 250 после текста «Расточителя» находится такая же механическая связка с последующими похождениями Совест-Драла: «По окончании сей комедии» и т. д.

⁸⁹ Первая часть вышла и без указания даты издания. По виньеткам можно предположить, что книга вышла в Москве.

По-видимому, спрос на «Похождения Совест-Драла» был большой, и поэтому в 1793 г. в Петербурге «иждивением И. Сытина» было напечатано новое, четвертое по счету, издание этой книги. Оно, очевидно, было выпущено как контрафакция: во-первых, заглавие книги было слегка изменено — она называется «Похождения хитрого и забавного шута Совест-Драла, Большого Носа, переведенное с польского и дополненное с других языков. Ч. I. В граде святого Петра. 1793» (ч. I—III, 327 стр.); во-вторых, текст перевода в весьма незначительной степени отредактирован, в особенности в начале книги.

Кроме того, к первой части «Похождения» приложена в качестве фронтисписа довольно грубая по манере исполнения гравюра.

Наконец, в 1798 г. появилось пятое и последнее издание «Похождений Совест-Драла» (СПб., 1798, ч. I—III, 492 стр.), полностью совпадающее с изданием 1781 г. и известными нам частями издания 1788 г. Комедия «Рас-точитель» занимает в ней стр. 342—483.

В русской библиографии и литературной науке «Похождениям Совест-Драла» уделено было очень мало внимания. В известной книге Н. В. Губерти «Материалы для русской библиографии»⁹⁰ подробно описано издание 1781 г. и, хотя на титульном листе «Похождений Совест-Драла» указано, что это перевод с польского, дополненный с других языков, Н. В. Губерти тщательно сопоставил русский текст с немецкой народной книгой «Der wiedererstandene Eulenspiegel» (без указания места и даты издания). Никакого внимания к польскому источнику русской книги Губерти не обнаружил.

В. В. Сиповский в своих «Очерках из истории русского романа» бегло охарактеризовал «Похождения Совест-Драла» как перевод «известного с XV столетия в немецкой литературе романа (!) о проделках Эйленшпигеля» и сравнил Совест-Драла с известным разбойником, а затем сыщиком второй трети XVIII в., Ванькой-Каином, оставившим свою очень популярную автобиографию. Как и

⁹⁰ Н. В. Г у б е р т и. Материалы для русской библиографии. Хронологическое обозрение редких и замечательных русских книг XVIII столетия, напечатанных в России гражданским прифтом. 1725—1800. Вып. 3. М., 1891, стр. 604—607.

Губерти, В. В. Сиповский не проявил интереса к польскому источнику «Похождений Совест-Драла»⁹¹.

Отсутствие в Ленинграде старых польских изданий Совизжала не позволило нам дать точный ответ, какое именно собрание анекдотов об этом герое легло в основу русского перевода. В известной библиографии К. Вадецкого о польской шляхетской литературе XVII в. ближе всего к «Похождениям Совест-Драла» подходит недатированный «Sowizrział krotofilny y smieszny. Urodzenie, żywot, postępki y dokonanie iego dziwne. W Brumszwiku na Bramie taką osobą y postacią iest malowany»⁹². Сравнение заглавий отдельных анекдотов в этой книге и в «Похождениях Совест-Драла» показывает, что и по форме и последовательности они совпадают, особенно в первой части русского издания. Не исключена, однако, возможность того, что русский переводчик пользовался каким-то переизданием этой книги, сделанным в XVIII в. С полной авторитетностью могли бы ответить на этот вопрос польские литературоведы, располагающие значительно большим материалом для решения этой источниковедческой задачи.

Переводчик, как уже отчасти отмечал Н. В. Губерти, не следовал рабски за оригиналом, но приравнивал его к русским вкусам. Во-первых, он в духе «народной этимологии» переосмыслил имя Совизжала и превратил его в русского Совест-Драла. Во-вторых, заглавие книги он построил по принципу лубочных стихов (рифмованной прозой):

«Похождения нового увеселительного шута
и великого в делах любовных плута
Совест-Драла, большого носа».

В-третьих, переводчик в ряде мест применял русские пословицы, по-видимому, подставляя их вместо соответствующих польских. Далее, взамен польских стихов, в одном случае он включил русское стихотворение: «По сходности мыслей, песня сия выписана из российских сочинений»:

⁹¹ В. В. С и п о в с к и й. Назв. соч., т. I, вып. 2 (XVIII век). СПб., 1910, стр. 877.

⁹² К. В а д е с к и. Literatura mieszczańska w Polsce XVII wieku. Monografia bibliograficzna. Lwów—Warszawa—Kraków, 1925, str. 347—352, № 136.

В остальных случаях, по-видимому, находящиеся в русском тексте стихотворения представляют перевод польских стихов «Sowizrzala krotofilnego y smieszneho», и, надо признать, стихи эти довольно гладки. Обращает на себя внимание то, что язык «Похождений Совест-Драла» и даже предисловия (впрочем, крайне бестолкового) к третьей части достаточно чистый и свободен от полонизмов. Это обстоятельство, как ни странно, осложняет установление авторства переводчика.

Дело в том, что указанное выше включение в издания «Похождений Совест-Драла» 1781, 1788 (?) и 1798 гг. комедии «Расточитель» позволяет предполагать, что переводчиком обоих произведений было одно и то же лицо. А так как имя переводчика комедии «Мот, или расточитель» недавно было установлено, — это — некий А. И. Апухтин (см. ниже), — то можно было бы считать, что ему принадлежит также и перевод «Похождений Совест-Драла», если бы не значительное отличие языка обоих переводов. Вместе с тем едва ли мог переводчик «Похождений Совест-Драла» без разрешения лица, издавшего на русском языке «Мота, или расточителя», трижды перепечатать это произведение при жизни переведшего. Остается предположить, что «Похождения Совест-Драла» были обработаны умелым редактором, устранившим имевшиеся первоначально в тексте полонизмы.

Все это вопросы, ответить на которые сейчас не представляется возможным. Следует отметить, что состав «Похождений Совест-Драла» не может быть признан простым. Очень возможно, что в переведенный текст были включены популярные произведения русской «низовой» литературы, взятые частью из лубочных картинок, частью из рукописных и даже печатных «народных» книжек⁹⁴. Такова, например, картинка «Разговор про-

⁹³ «Похождения Совест-Драла» <недатиров. издание>, ч. I, стр. 29—30. Песня «Что мне пужды в свете сем» находится в «Собрании разных песен» М. Д. Чулкова в ч. I под № 106 (СПб., 1770, стр. 134—135; ср. М. Д. Чулков. Сочинения, т. I. СПб., 1913, стр. 146—147).

⁹⁴ Н. В. Губерти, вслед за Ровинским (см. примечание 95), предполагал обратное (назв. соч., вып. 3, стр. 605).

фессора с крестьянином»⁹⁵, «Разговор пьющего с непьющим»⁹⁶, а также «забавные ведомости»⁹⁷. В. В. Сиповский предполагал даже, что «прежде, чем попасть в нашу печатную литературу в 1781 году, это популярное сочинение («Похождения Совест-Драла»), несомненно, было распространено у нас или в виде рукописного перевода, или в виде устных пересказов,— по крайней мере, следы влияния этой старинной книги можно отыскать и в русской сказке о похождениях плутов, прикидывающихся дураками, и в сборниках фанеций»⁹⁸. Впрочем, рукописей, содержащих тексты «Похождений Совест-Драла», до сих пор, кажется, не обнаружено. Однако указанные в примечании две рукописи «Юмористических курантов» свидетельствуют о том, что последние как-то связаны с «Похождениями Совест-Драла» или, может быть, с немецкими изданиями «Тилия Эйленшпигеля».

Предположение В. В. Сиповского о существовании устных пересказов «Похождений Совест-Драла» находит подтверждение в цитированном выше отрывке о Семизрале, или Севизрале, у Тредиаковского: самая форма имени героя свидетельствует об устном, а не письменном источнике сведений Тредиаковского.

Приблизительно в то же самое время, к которому мы относим появление первого, недатированного издания «Похождения Совест-Драла», русский читатель, следивший за книжными новинками, мог прочитать в одном из

⁹⁵ Д. А. Ровинский. Русские народные картинки. Кн. I. Сказки и забавные листы. СПб., 1881, стр. 474—476; кн. IV. Примечания и дополнения. СПб., 1881, стр. 352; Н. В. Губерти. Назв. соч., вып. 3, стр. 605.

⁹⁶ Д. А. Ровинский. Назв. соч., кн. I, стр. 331—334; кн. IV, стр. 230—232; кн. V, стр. 501 (под словом «Похождения»).

⁹⁷ См. статью В. П. Адриановой-Перетц «Юмористические куранты» в «Ученых записках Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена» (т. 67, Л., 1948, стр. 48—56). В этой статье рассматриваются «забавные авизии» (известия) из сборника Гос. публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (О. XVII-17), датируемого 1757—1768 гг. Как раз эти самые «забавные ведомости» находятся в «Похождениях Совест-Драла» (недатированное издание, стр. 20—23), но текст явно представляет другой перевод, и порядок и количество «авизий» не совпадают с рукописным. Не следует ли считать «Юмористические куранты» ранним частичным переводом из «Похождений Совест-Драла»?

⁹⁸ В. В. Сиповский. Назв. соч., ч. I, вып. 2, стр. 877.

номеров «Санкт-Петербургских ведомостей», в отделе книжных объявлений, известие о выходе в свет переведенной с польского языка комедии «Мот, или расточитель»⁹⁹. Ни автор, ни переводчик в объявлении не были указаны. Впрочем, на титульном листе самой книги и в предуведомлении к ней были сообщены кое-какие, не слишком конкретные, сведения о переводчике. Титульный лист гласил: «Мот, или расточитель. Комедия в пяти действиях. Переведена с польского языка А. А. В Санкт-Петербурге 1778 года» (4 нenum., 72 стр.).

В «Предуведомлении», подписанном довольно известным поэтом последней трети XVIII в. Василием Рубаном, сказано следующее: «Что же принадлежит до переводившего сию книгу, то, как он переводил не для того, чтобы ему сим переводом тщеславиться, потому что он в сем ремесле не упражнялся, но чтобы малое, ему относящееся от должности свободное время каким-нибудь невинным упражнением занято было и что с польского на российский язык в переводе книг весьма мало (хотя на оном и много есть изрядных творений), то чтоб подать о сочинениях и переводах польских чрез сие хотя некоторое понятие, дозволил он сей свой труд издать в свет для любителей нравоучения, которое нигде лутче и приятнее, как в феатральных зрелищах преподаваемо быть не может, и на сей конец оные, как известно, везде и заводятся. Может быть, — продолжает В. Г. Рубан, — и сей с французского в польское, а с польского в российское платье переодетый «Расточитель» будет иметь щастье на каковом-либо из феатров быть представлен и удержит здесь, как удерживает в Париже и Варшаве, некоторые молодые сердца от расточительства, чего желать каждой любящий отечество должен. И для сей токмо притчины оный ныне и предлагается обществу. Писано в Санкт-Петербурге мая 25 дня 1778 года. Василей Рубан».

Из приведенных данных для выяснения интересующего нас вопроса о переводчике можно извлечь очень немного. Это — лицо, занятое «по должности», очевидно, служившее в момент издания перевода (или до этого) в Польше, либо, по крайней мере, знавшее польский язык;

⁹⁹ «Санкт-Петербургские ведомости», 1778, 5 июня, № 45, стр. 581.

труд его — не есть труд профессионального литератора. Вот и все.

Несколько интересных дополнений к цитированному выше «Предуведомлению» В. Г. Рубана находим мы в известном анонимном «Драматическом словаре» 1787 г. Здесь в статье о занимающей нас комедии сказано, что «пиеса сия сочинена на польском языке в подражаніе французской детушевой, называемой Dissipateur, с некоторыми отменами, соответствующими польскому вкусу, как именами действующих лиц, так и разговорами оных; посему сей перевод с французским подлинником и не может быть очень сходен. Сверх оногo, — продолжает анонимный автор, — вмещены переводчиком русские пословицы. Сия комедия, — заключает аноним, — благосклонно принята публикою в рассуждении морали, в ней находящейся»¹⁰⁰.

При кажущейся малосодержательности только что приведенного отзыва он все же представляет значительный интерес. Автор «Драматического словаря» подчеркивает, что не сюжетная сторона, общая с комедией Детуша, привлекает внимание в польском «Моте, или расточителе», а именно «отмены в польском вкусе», т. е. приспособление пьесы к «польским нравам».

Интерес к бытовому свособразию, к «национальным нравам» возникает в русском театре, как известно, в начале 1760-х годов и ко времени появления перевода «Мота, или расточителя» становится одним из основных принципов театральной эстетики русских драматургов и зрителей¹⁰¹.

Неизвестный переводчик, очевидно, сознательно остановил свой выбор на польской пьесе. На эту мысль наводит то обстоятельство, что вскоре же, в 1779 г., им был издан новый перевод: «Брак по календарю. Комедия в трех действиях. Переведена с польского языка А. А.» (8 нenum., 70 стр.).

В предисловии уже не Рубан, а сам А. А. сообщает, что так как «Мот, или расточитель» является переводом

¹⁰⁰ «Драматический словарь. Собранный в Москве в Типографии А. А. 1787 года», стр. 82 (или перепечатка в издании А. С. Суворина. СПб., 1881, стр. 82).

¹⁰¹ П. Н. Берков. Театр Фонвизина и русская культура.— Сб. «Русские классики и театр», Л., 1947, стр. 21—23, 36—38.

комедии Детуша, «то из сего и не можно зделать заключения о польском вкусе в рассуждении театра». «Что самое и побудило, — говорит далее переводчик, — перевести с того же языка сию комедию называемую *Małżeństwo z kalendarza* ¹⁰², то есть Брак по календарю, сочиненную без подражания и точно в польском вкусе Б... Т... господином Н..., человеком весьма разумным, ученым и просвещенным. И которая совершенное подать может публике понятие о польском вкусе, а на сей только конец, — заключает А. А., — и употреблен был труд в переводе оной».

Таким образом, пред нами явно засвидетельствованное желание переводчика познакомить русского читателя с современным польским театром, стремление «дать публике понятие о польском вкусе».

В «Драмматическом словаре» находим опять-таки небольшие штрихи, дополняющие скудные данные предисловия к переводу. Автор «Драмматического словаря» пишет: «Переводчик старался в точности; и сия пьеса без всякой поправки осталась во вкусе польском» ¹⁰³.

Отсутствие в «Драмматическом словаре» сведений о приеме, оказанном театром и публикой этой пьесе, заставляет предположить, что как «Мот, или расточитель», так и «Брак по календарю» не понравились актерам конца 1770-х — начала 1780-х годов. Тем не менее в 1792 г. тот же переводчик А. А. издает — на этот раз уже в Москве — новый перевод с польского. Это была пьеса: «Из одной чрезвычайности в другую, или у Суеверова другая свадьба. Комедия в трех действиях. Переведена с польского А. А.» (М., 1792, 84 стр.). Напечатана она была с «указного дозволения» «в Москве, в вольной Типографии при Театре у Хр. Клаудия».

Как и обе предыдущие комедии, новый перевод А. А. был снабжен «Предуведомлением», в котором сообщается о связи ранее изданного «Брака по календарю» с выпускаемой ныне пьесой. «Впрочем, — читаем мы дальше в «Предуведомлении», — сию комедию сочинил тот же автор, который и прежнюю, названную «Брак по календарю».

¹⁰² Диакритических знаков над польскими буквами в подлиннике нет.

¹⁰³ «Драмматической словарь», стр. 28.

Сию последнюю назвал он по польски *Staruszkewicz*¹⁰⁴; потому что в польских обеих тех оригиналах назван Суеверов сим именем. Но на русском языке показалось пристойнее его назвать Суеверовым, а особливо в рассуждении первой комедии, которая наполнена суевериями». Таким образом, А. А. перевел три комедии, которые называются: «*Marnotrawca*», «*Małżeństwo z kalendarza*» и «*Staruszkewicz*». Все эти комедии принадлежат одному автору, известному патеру Франциску Богомольцу (1720—1784), считающемуся основателем нового польского театра. Им было написано свыше 30 «школьных» и «театральных» комедий. Польские исследователи второй половины XIX в. старались найти в комедиях Богомольца элементы мольеризма и особенно отмечали «общечеловеческие» черты его героев. Датский славист Ад. Стендер-Петерсен пришел к иным и более правильным выводам: «Образы Богомольца, в первую очередь тип «сармата» Старушкевича, наивной провинциалки Умизгальской, галломана Дзивакевича, литовского реакционера и преследователя ведьм и т. д., — это фигуры, задуманные как национальные, им придана нюансировка по степени культурности, они отмечены внешними чертами своего социального положения и внутренними признаками своего времени»¹⁰⁵.

Далее Ад. Стендер-Петерсен указывает, что в комедиях Богомольца «ударение делается на актуальном, общественном значении типов, и, вместо надвременных, монументальных образов Мольера, мы видим живо нарисованные, метко схваченные и порою исключительно пластичные, но преходящие картины времени, общества, культуры то Варшавы, то провинции, то отдаленной Литвы»¹⁰⁶.

Таким образом, когда переводчик А. А. обратился к комедиям Ф. Богомольца, чтобы познакомить русского читателя с «польским вкусом», в своем выборе он проявил здоровое чутье литературно и театрально развитого человека: все три переведенные им комедии, в особенности две

¹⁰⁴ В оригинале: *Stavu Jzkewicz*.

¹⁰⁵ Ad. Stender-Petersen. *Die Schulkomödien des Paters Franciszek Bohomolec* S. J. Heidelberg, 1923, S. 380.

¹⁰⁶ Там же, стр. 381.

последние, принадлежат к числу лучших «театральных» произведений Богомольца.

Не совсем ясно, почему А. А. в предуведомлении к комедии «Брак по календарю» называет автора «Б... Т... господин Н...» Возможно, что ответ на этот вопрос удастся найти, если обратиться к отсутствующему в ленинградских библиотеках томуку комедий Богомольца, в котором были напечатаны все три комедии, переведенные на русский язык, а также комедия «*Staruszka młoda*»¹⁰⁷. Видимо, в руках А. А. было именно это издание.

Переводчик не рабски следовал оригиналу. Так, мы видели уже из предуведомления к комедии «Из одной чрезвычайности в другую», что «сармата» Старушкевича (напомним, что по-польски *staruszek* — старик) переводчик переименовал в Суеверова («в рассуждении суеверий»), которыми наполнен «Брак по календарю». Язык переводов А. А. мало обработан, как, впрочем, и язык его оригинальных «предуведомлений»; это можно было заметить уже и из цитированных выше отрывков. Вот несколько примеров: «Не знаете вы ничего силы в людях» («Брак по календарю», стр. 12); «Кто хочет пользоваться от Парижа!» («Из одной чрезвычайности в другую», стр. 66). Последняя комедия особенно обильна полонизмами: «Была там добрая школа! Сколько там было пляг, пощочин» (там же, стр. 47; *plaga* — удар); «Пожалуйста, не уважайте этим, она очень стыдлива» (там же, стр. 50; *uwagać* — замечать, наблюдать, обращать внимание).

Еще одна деталь: А. А., по-видимому, не знал французского языка; у него есть только персонажи, носящие имена: маркиз Депетитевилле и шевалье де ла Корде.

Из приведенных материалов видно, насколько любопытной фигурой является скрывшийся под псевдонимом А. А. переводчик трех комедий Богомольца и — возможно, как указывалось выше, — «Похождений Совесть-Драла». Выше было также отмечено, что в настоящее время этот псевдоним раскрыт: переводчиком оказался некий Аким Иванович Апухтин. Сведения эти случайно сохранились на экземпляре «Мота, или расточителя», находящемся в Гос. исторической библиотеке (Москва); на этой книге

¹⁰⁷ K. E s t r e i c h e r. Bibliografia Polska, t. XIII. Kraków, 1893, str. 224 (Komedye na teatrum J. K. M. wyprawane. W Warszawie. W druk. Coll. S. J., 1767).

почерком XVIII в. дописано к инициалам А. А. — Аким Апухтин¹⁰⁸.

А. И. Апухтин родился в 1724 г., с 13-летнего возраста много лет состоял на военно-интендантской службе, был членом Военной коллегии, симбирским и уфимским генерал-губернатором и умер в 1798 г.¹⁰⁹ Откуда ему был известен польский язык, скудные источники не сообщают.

Из предуведомления В. Г. Рубана к «Моту, или расточителю» явствует, что переводчик выступает как новичок («он в сем <переводческом> ремесле не упражнялся») и что этот первый свой опыт «дозволил он издать в свет». Иными словами, Рубан выступал здесь в качестве издателя чужого труда. А. И. Апухтин был с середины 1770-х годов одним из самых крупных деятелей Военной коллегии¹¹⁰, вице-президентом которой был новый фаворит Екатерины II, Г. А. Потемкин¹¹¹, а Рубан с 1774 г. был секретарем Потемкина¹¹²; отсюда становится понятным проявление внимания со стороны мелкого, нечиновного стихотворца к литературным опытам сановника, с которым ему, Рубану, приходилось иметь дела. Рубан, уроженец Украины, владел хорошо польским языком¹¹³, хотя ни один его перевод из польской художественной литературы неизвестен. Может быть, Рубан был причастен к литературной обработке переводов Апухтина: мы видели, что изданный в Москве перевод комедии «Из одной чрезвычайности в другую» в большей мере пестрит полонизмами, чем другие

¹⁰⁸ Сведения эти мне любезно сообщили Е. П. Кацпржак и Т. А. Быкова, которым приношу благодарность. Экземпляр этот принадлежал ранее А. П. Шапову.

¹⁰⁹ Д. С [а м о к в а с о] в. — Русский биографический словарь, т. II («Алексинский — Бестужев-Рюмин»). СПб., 1900, стр. 259. Дата его смерти указана здесь неточно; см. «Московский некрополь», изд. вел. кн. Николаем Михайловичем, т. I, СПб., 1907, стр. 49: «Иоаким Иванович Апухтин, генерал-поручик и кавалер российских орденов св. Александра Невского и св. Анны, который далече от того, чтобы делать кому зло, но чтился завсегда оказывать всякому добро. По прошествии 74-летней жизни окончил оную июня 26 дня 1798 г. в 6 часов утра».

¹¹⁰ «Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от рождества христова 1776». СПб. (б. г.), стр. 90.

¹¹¹ Там же, стр. 90.

¹¹² Б. Л. М о д з а л е в с к и й. Василий Григорьевич Рубан. (Историко-литературный очерк). СПб., 1897, стр. 12.

¹¹³ Там же, стр. 13.

пьёсы, переведенные Апухтиным, возможно, потому, что он не был отредактирован Рубаном.

Завершая рассмотрение материалов, связанных с переводческой деятельностью А. И. Апухтина¹¹⁴, мы вновь должны вернуться к вопросу о переводчике «Похождений Совест-Драла» и о включении им в издания этой книги 1781, 1788 (?) и 1798 гг. текста «Расточителя». Из приведенных выше отрывков предведомления Рубана к «Моту, или расточителю» можно было заключить, что перевод этой комедии был первым литературным выступлением Апухтина. Это как будто противоречит нашему предположению о том, что первое, недатированное издание «Похождений Совест-Драла» предшествовало появлению в свет «Мота, или расточителя». Действительно, наличие этой комедии во втором издании «Похождений Совест-Драла» (1781) еще не может служить основанием для того, чтобы считать обязательным включение ее в первое издание. Поэтому можно предположить с большей осторожностью, что перевод «Похождений Совест-Драла» принадлежит Апухтину и впервые был издан между 1778 и 1781 гг. Отсутствие полонизмов в «Похождении Совест-Драла» можно объяснить редакционной обработкой Рубана, которому, возможно, принадлежат и стихотворные переводы, находящиеся в русском тексте.

Пример А. И. Апухтина, познакомившего своих современников с польским театральным «вкусом», по-видимому, повлиял на другого переводчика-дилетанта, некоего Григория Калиновского, издавшего в 1791 г. перевод довольно бесцветной комедии «Пропадный кот»¹¹⁵. Польского источника мне пока установить не удалось. Может быть, в оригинале она называется иначе. Перевод Калиновского сделан в соответствии с тогдашними принципами художественного перевода: имена действующих лиц оригинала заменены русскими (Федора Евсевьевна

¹¹⁴ А. И. Апухтин не был близким родственником известного поэта А. Н. Апухтина: их общий предок, Дмитрий Тимофеевич Апухтин, жил в конце XVI в. См.: В. В. Руммель и В. В. Голубцов. Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. I. СПб., 1886, стр. 77 (№ 2).

¹¹⁵ «Пропадный кот. Малая комедия в одном действии. Переведена с польского языка в Молдавии на зимней квартире Северского карабинерного полка поручиком Григорием Калиновским». СПб., 1791, 34 стр.

Скопидомиха, Даша, Андрей Федотович, Софрон), никаких элементов польской обстановки в переводе не сохранило. Если бы на титульном листе книжечки, изданной Гр. Калиновским, не было отмечено, что это — перевод с польского, «Пропадный кот» мог бы легко сойти за заурядную русскую комедию якобы из крестьянского быта, каких было немало в 1780 — 1790-е годы.

О Григории Калиновском сведений в литературе мало¹¹⁶. В 1777 г. он был прапорщиком «армейских некоторых полков, состоящих в Украинской дивизии, и издал «Описание свадебных украинских простонародных обрядов, в Малой России и в Украинской губернии, також и в Великороссийских слободах, населенных малороссианами, употребляемых». Через 14 лет, в 1791 г., уже в чине поручика, как мы видели, он, находясь в Молдавии, перевел комедию «Пропадный кот» и издал ее в Петербурге¹¹⁷.

В том же 1791 г. в «Московском журнале» Карамзина был помещен перевод с польского «Праздник старца. Сочинение епископа Нарушевича»¹¹⁸.

Произведение это, напечатанное в качестве перевода с польского, на самом деле является переводом Нарушевича из швейцарского идиллика С. Геснера: «*Pacierz staruszka (Z Gesnera)*» в серии «*Selianki*»¹¹⁹. Подписанный буквой Р, этот перевод сделан тяжелой прозой¹²⁰ и на фоне изящной беллетристики «Московского журнала» производит впечатление явления не органического для издания Карамзина. Очевидно, уважение к крупнейшему в то время польскому поэту или его переводчику побудило Карамзина уделить «Празднику старца» место в своем журнале. Кому принадлежал этот перевод, за отсутствием прямых указаний в литературе, решить трудно. Буквой Р

¹¹⁶ В «Малороссийском родословнике» В. Л. Модзалевского (т. II, Киев, 1910, стр. 258—259) есть небольшая генеалогия рода Калиновских. Григорий в ней отсутствует.

¹¹⁷ О Гр. Калиновском см.: С. А. Венгерова. Источники словаря русских писателей, т. 2. СПб., 1910, стр. 561 (здесь отдельно даны сведения о Калиновском — этнографе и переводчике).

¹¹⁸ «Московский журнал», 1791, ч. III, сентябрь, стр. 283—290.

¹¹⁹ См. «*Wybór poezyj z dołączeniem kilku pism prozą oraz listów*». Warszawa, 1882, str. 312—315.

¹²⁰ «Быки и тучные кравы ревут от избытка и удовольствия» (стр. 284); «Сия радость сердечная, которую едва может выразить претыкающийся язык...» (стр. 285); «Никогда жестокий мраз не погублял прививков моих и летораслей» (стр. 286) и т. д.

подписывался сам Карамзин, однако позднее, в «Вестнике Европы» 1802 г. Но, как уже указано, стилистически этот перевод не совпадает с языковыми исканиями Карамзина. Подписывался буквой Р и В. Г. Рубан, который, как говорилось выше, знал польский язык. Принадлежит ли перевод «Праздника старца» ему или кому-то другому, утверждать не берусь¹²¹.

Странно также, что Карамзин, знавший хорошо творчество Геснера и даже переводивший из него, не заметил, что «Праздник старца» — перевод не из польского, а из немецкого автора.

Все в том же 1791 г. в Москве была издана в переводе с польского «нравоучительная история» «Щастливое семейство» Мармонтеля. По-видимому, перевод был сделан с книги «Szczęśliwa familia, historyjka moralna przez P. Marмонтеля» (Warszawa, 1769). О переводчике, Андрее Крассовском, в литературе известно только то, что ему принадлежит указанный перевод из Мармонтеля¹²². Возможно, что это был Андрей Петрович Красовский, умерший в 1845 г. в возрасте 84 лет в чине статского советника и погребенный в Петербурге на Волковом лютеранском кладбище¹²³.

Следующие по времени два перевода с польского относятся к 1794 г. Первый — печатный, второй — рукописный. Первый был издан в Калуге под названием «Странствование неумирающего человека по знатнейшим древним государствам, содержащее в себе: тонкие критические рассуждения на древних дееписателей, представленные в любопытном и приятном виде. С основательным описанием древних знаменитых мужей. В двух частях. Пер. с польск. Григорий Зельницкий». «Странствие неумирающего человека» — это перевод «Historji» И. Красицкого¹²⁴. Его: «История», — пишет В. Д. Спасович, — есть злая

¹²¹ О принадлежности псевдонима Р Карамзину и Рубану см.: И. Ф. М а с а н о в. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. В трех томах. Т. 2 и 3. М., 1949, стлб. 261 и 263.

¹²² С. А. В е н г е р о в. Назв. соч., т. 3. Пг., 1914, стр. 256. Посвящение подписано: Андрей Крассовский.

¹²³ «Петербургский некрополь, изд. вел. кн. Николаем Михайловичем», т. II. СПб., 1912, стр. 513.

¹²⁴ У Корбута (назв. соч., т. 2, стр. 77) русский перевод не указан.

насмешка над историографами... он рассказывает то же, что историки, но не так, как они: события у него выворочены так сказать наизнанку»¹²⁵.

Появление этой книги в последнее десятилетие XVIII в., отличавшееся усилением цензурных строгостей, — притом еще в провинции, в Калуге, — представляет факт любопытный. Поэтому наше внимание привлекает личность переводчика. Но о Григории Кирилловиче Зельницком (умер в Калуге в 1828 г.) известно только то, что он в течение 42 лет был калужским педагогом и в 1804 г. издавал журнал «Урания»¹²⁶.

Ни в посвящении книги полковнику В. П. Митусову, ни в «Предупреждении от прелагателя», представляющем изложение предисловия И. Красицкого, не содержится никаких материалов, пополняющих наши знания о Г. К. Зельницком или об обстоятельствах появления перевода «Истории» Красицкого. Лишь в напечатанной на последней странице «Странствия» (перед списком лиц, подписавшихся на эту книгу) заметке «В знак благодарности» переводчик сообщает, что «достал подлинник сего перевода от почтенного здешнего гражданина П. Ив. Б.». Эта подробность свидетельствует о том, что среди жителей Калуги были люди, владевшие польским языком и имевшие польские книги. Не находится ли это в связи с тем, что в Калугу при Екатерине были высылаемы из Польши «беспокойные» общественные деятели, осложнявшие политику императрицы? В. Г. Чернобаев, также придерживавшийся этого взгляда, напомнил в своей статье о Красицком, что в Калуге находился в ссылке с 1767 по 1773 г. И.-А. Залуский и другие поляки¹²⁷.

¹²⁵ А. Н. Пыпин и В. Д. Спасович. История славянских литератур, изд. 2, т. II. СПб., 1881, стр. 570—571. Ср. указанную ниже статью В. Г. Чернобаева (см. примечание 127).

¹²⁶ Н. П. Зельницкий, Григорий Кириллович. — «Русский биографический словарь» («Жабокритский — Зяловский»), Пг., 1916, стр. 349—350; В. П. Семеников. Библиографический список книг, напечатанных в провинции со времени возникновения гражданских типографий по 1807 год. СПб., 1912, стр. 8 (№ 26). Ср. также С. А. Венгеров. Назв. соч., т. 2. СПб., 1910, стр. 436.

¹²⁷ W. C z e r n o b a j e w. Ignacy Krasicki w literaturze rosyjskiej. Księga referatów pod redakcją Ludwika Bernackiego, zeszyt I. Lwów, 1936, Nadbitka, str. 47 (Zjazd naukowy imienia Ignacego Krasickiego); idem — w «Pamiętniku literackim», 1936, roczn. XXXIII, zeszyt I, str. 47. Покойному В. Г. Чернобаеву принадле-

Второй перевод с польского, датированный 1794—1796 гг., это — «Полюся, дочь колесника, или освобожденная вольность. Опера трагическая, в 2 действиях. Перевод с польского В. Анастасевича. 1794». Рукопись этого неизданного перевода, сделанного в молодые годы известным русским библиографом В. Г. Анастасевичем, хранится в Отделе рукописей Гос. публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина¹²⁸.

Источником перевода Анастасевича является «opera tragiczna» Игн. Винц. Маревича «Polusia, córka kołodzieja, czyli wolność oswobodzona», в свое время приписывавшаяся Ю. У. Немцевичу¹²⁹. В польской библиографии известны три издания этой пьесы: два — вышедшие в 1789 г., одно — в 1791 г. К. Эстрейхер сообщает, что в одном из виденных им экземпляров «Polusi» находится предисловие, заслуживающее того, чтобы его перепечатать, настолько оно шутивно (jowialno). К сожалению, Эстрейхер не указал, в каком точно издании видел он это предисловие.

К счастью, в экземпляре «Polusi», имеющемся в отделе Rossica Гос. публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, находится обращение «К читателю». Назвать это предисловие «шутливым» можно с большой натяжкой — это очень остроумная маскировка идейного замысла пьесы, которая на титульном листе обозначена как «opera tragiczna w dwóch aktach. Z Rosyjskiego na Polski język Przetłumaczona». В предисловии «Do czytelnika» анонимный

жит несомненная заслуга в постановке частного вопроса об интересе в русской литературе XVIII в. к «Истории» Красицкого, но характеристика Чернобаевым самой русской литературы этого столетия ошибочна и построена на устарелых взглядах П. П. Пекарского, А. Н. Пыпина, В. В. Сиповского и др. Неправильны указания В. Г. Чернобаева, что употребленные Г. Зельницким слова «забобы», «клеймоты», «похлебство» и др. являются полонизмами, «непонятными среднему русскому читателю тех лет» (назв. соч., стр. 48): достаточно обратиться к «Словарю» Даля, чтобы увидеть ошибочность этой точки зрения. Все указанные слова широко употреблялись в русской литературе XVIII в.

¹²⁸ «Отчет императорской Публичной библиотеки за 1912 год». Пг., 1917, стр. 109—110; шифр: О. XV. 20.

¹²⁹ К. E. Streicher. Назв. соч., т. I, стр. 349 и 350; т. XXII, стр. 151. Имя переводчика на самой книге не названо. Эстрейхер и Корбуг (назв. соч., т. II, стр. 109) источника своей информации о принадлежности «Полюси» Маревичу не указывают.

«переводчик» указывает, что это произведение переведено им с некоторыми отступлениями от оригинала, что во многих местах могут быть обнаружены значительные ошибки и что виною этого является недостаточное владение чужезычным языком. В частности, было опущено третье действие, так как, вследствие обилия аллегорических и трудных слов в русском языке, переводчику было невозможно добраться быстро и легко до того, что хотел автор сказать этим актом, отличавшимся глубиной замысла, но трудным для понимания. Кончается предисловие выражением надежды, что недалеко то время, когда и поляки смогут на своем родном языке довести «это достославное дело» до конца, не ломая себе голову над зависимостью от иностранного ¹³⁰.

Если бы мы не знали из работ Эстрейхера и Корбута, что «Полюся» — произведение В. Маревича, можно было бы и путем просмотра библиографии русских опер ¹³¹ убедиться в том, что на русском языке такой «трагической оперы» не было и в цензурных условиях конца царствования Екатерины и не могло быть. Таким образом, можно было бы догадаться, что перед нами не перевод с русского на польский, а псевдоперевод и что последние слова предисловия «переводчика» «Do czytelnika» («Lecz nie zadługo może będziemy mogli i domowym językiem, nie móżąc się nad zawisłością obcego, Dzieło to day Boże chwalebne dokończyć») должно понимать в политическом смысле: «wolność oswobodzona» — вот «Dzieło», которое призывает довершить переводчик.

В опере Маревича в зашифрованной форме изображена судьба Польши после первого ее раздела. В лице помещика Свободского выведен Станислав Понятовский, в лице Пжемоцкой — Екатерина II, Потенжинский — это Потемкин, Цеменжинский — русский посол в Польше, Литосницкий — король прусский, а Полюся — сама Польша ¹³².

¹³⁰ «Polusia, córka kołodzieja, czyli wolność oswobodzona». Roku 1789, str. 2 nienumerow. — 3 nienum.

¹³¹ В. В. С т а с о в. Русские и иностранные оперы, исполнявшиеся на императорских театрах в России в XVIII-м и XIX-м столетиях. СПб., 1898; Н. Ф. Ф и н д е й з е н. Очерки по истории музыки в России, т. II. М. — Л., 1929, стр. 107—112 и примечания, стр. XXXVII—XXXVIII; А. С. Р а б и н о в и ч. Русская опера до Глинки. Музгиз, 1948, стр. 179—182.

¹³² K. E s t r e i c h e r. Назв. соч., т. XXII, стр. 150—151.

Таким образом, пьеса Маревича являлась актуальным политическим литературным произведением времени Четырехлетнего сейма; этим объясняется ее успех, вызвавший три издания в течение 2—3 лет. Возможно, что как политический документ «Полюся» привлекла внимание Анастасевича, который переводил ее с 1794 по 1796 г.¹³³, но напечатать, конечно, свой перевод не мог¹³⁴.

Кроме переводов, перечисленных выше, мне известны еще следующие издания конца XVIII в., переведенные с польского:

1. «Таврикия, или известия древнейшие и новейшие о состоянии Крыма и его жителей до наших времен. Сочинение польского епископа г. Адама Нарушевича, переведенное с польского языка на российский» (Киев, 1788, 172 стр.). Это — перевод книги, которую Нарушевич, сопровождавший в 1787 г. Станислава-Августа в его путешествии по Украине, поднес Екатерине II в Киеве вместе со своими специально для этого случая сочиненными стихами (см. ниже, стр. 55). Польский оригинал называется «Tauryka, czyli wiadomości starożytne i późniejsze o stanie i mieszkańcach Krymu» (Warszawa, 1787).

2. «Месяцослов на лето господне 1799, которое есть простое, содержащее в себе 365 дней. Сочинен в Бердичеве, перев. с польского языка в Харькове Хар. уч. пр. п. А. П.» (Харьков, 1798, XVI стр.). Переводчиком этого календаря был префект харьковского училища протоиерей Андрей Прокопович¹³⁵.

Были ли в конце XVIII в. еще какие-либо переводы с польского, мне неизвестно. Уместно только напомнить, что русская литература 1790-х годов вообще еще мало изу-

¹³³ Дата начала перевода помещена на тит. л. рукописи, а окончания — на последней странице. См. также «Отчет императорской Публичной библиотеки за 1912 год», Пг., 1917, стр. 110.

¹³⁴ Аналогичный характер политических документов имеют переводы ряда польских сатирических произведений эпохи разделов Польши, опубликованные В. П. Адриановой-Перетц в статье «Образцы общественно-политической сатиры XVIII — нач. XIX в.» в «Трудах Отдела древнерусской литературы», вып. III, 1936, стр. 347—356; см. там же статью В. Г. Чернобаева «Политические пародии в старой польской литературе и на Западе» (там же, стр. 255—333, особенно стр. 323 и след.).

¹³⁵ В. П. Семеников. Назв. соч., стр. 32.

чена, и поэтому возможны в дальнейшем пополнения наших сведений о переводах с польского. С несомненностью можно, однако, утверждать, что интерес к изучению польского языка в эти годы очень усилился. В 1791 г. в Киеве вышла упоминавшаяся выше «Грамматика польская» М. А. Семигиновского (второе ¹³⁶ вновь исправленное издание ее вышло в 1831 г.), в 1796 г. Я. И. Благодаров опубликовал в Москве «Краткие правила польского языка, с присовокуплением к ним употребительнейших слов, разговоров и примеров для чтения в пользу и удовольствие желающих скоро выучиться оному». В том же 1796 г. в Бердичеве был напечатан «Буквар для обучения юношества чтению по-русийску и по-польску». Это был первый специально польский букварь, изданный в России: за сто лет до того в известном «Букваре» Карiona Истомина, наряду со славянскими, греческими и латинскими, были и польские буквы ¹³⁷. Кроме того, в «Новой и полной французской азбуке» Федора Каржавина (СПб., 1794) даны первые в русской лингвистической литературе более или менее точные сведения о польской азбуке с приложением текстов на польском языке ¹³⁸.

в) Польские произведения на «русские темы» в XVIII в.

Разработка «русской темы» в польской литературе XVIII в. представляется настолько обширной и, как можно судить, настолько неизученной, что при обращении к ней, с одной стороны, неизбежны многочисленные пропуски, а с другой — приобретают значение всякие подготовительные материалы вроде тех, которые излагаются ниже.

¹³⁶ В. П. Семенников (назв. соч., стр. 12), опираясь на указание Сопикова, будто эта книга вышла в 1794 г., ставит вопрос, не было ли это второе издание. Если это так, то издание 1831 г. — третье. Не исключена возможность, что у Сопикова имела место простая опечатка.

¹³⁷ «Букварь» Карiona Истомина был составлен в Москве в 1692 г. и перепечатан в 1916 г. в серии: «Древности. Труды императорского Московского археологического общества», т. 25, М. 1916, табл. XV—LIII.

¹³⁸ С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России, т. I. СПб., 1904, стр. 349.

Характерной особенностью «русской темы» в польской литературе XVIII в. по сравнению с предшествовавшим периодом было то, что от общеславянской трактовки вопроса, обычной для польского барокко XVI и XVII вв., польские писатели обратились к более конкретному анализу русско-польских отношений, главным образом политических.

Прежде всего появляются стихи, посвященные польскими то малодаровитыми стихотворцами, то настоящими поэтами русским императорам, императрицам и высокопоставленным особам.

В 1706 г. в Москве «аптекарь его царского пресветлого величества» Даниил Алексеевич Гурчин издал гравированную¹³⁹ книгу «Tryumf polskiej Muzy», в которой были воспроизведены очень посредственные стихи на польском языке — как латинскими буквами, так и кириллицей. Полное заглавие книги Гурчина таково: «Tryumf polskiej Muzy po otrzymanym nad Szwedami y ich adhaerentami pod Kaliszem zwycięstwie ogłoszony na stolicy moskiewskiej a przeswietleyszemu dzierzawnieyszemu niezyciezonemu monarze Piotrowi Alexiewiczowi z bożey łaski wielkiemu carowi całej wielkiej, maley y białey Rusi samoderscy y jedynowładcy <...> Panu a panu miłościwemu na znak wiernego y naynizsze poddanstwe pod zwycieskie nogi zložony w Moskwie dnia 24 miesiąca nouembra roku pansk 1706, przez Daniła Hurczyna go C. P. W. Ap. y naynyszego poddanego». Через 3 листа находится то же польское заглавие, но не латиницей, а кириллицей с очень строгим соблюдением фонетической транскрипции¹⁴⁰.

¹³⁹ В конце XVII — начале XVIII в., наряду с печатными книгами, были распространены в России цельно-гравированные книги, весь текст и иллюстрации которых были отпечатаны с досок, а не при помощи набора.

¹⁴⁰ О Гурчине см.: П. П. П е к а р с к и й. Наука и литература в России при Петре Великом, т. 2, стр. 133—135; А. В. О р е ш н и к о в. Даниил Гурчин, московский аптекарь начала XVIII столетия. — «Сборник статей в честь графини П. С. Уваровой», М., 1916, стр. 47—69; К. E s t r e i c h e r. Назв. соч., т. XVII, стр. 238; т. XVIII, стр. 319.

Близко к «Триумфу польской музыки» Д. Гурчина стоят «Вирши мальтийскому кавалеру генерал-фельдмаршалу Борису Петровичу Шереметеву» какого-то автора-поляка. См. статью И. А. Шляпкина «Библиографические разыскания в русских и заграничных библиотеках по славянорусской письменности (Петровская эпоха)»

Другой польский стихотворец, уже не русский чиновник, как Д. Гурчин, а служитель канцелярии бэлзского воеводы, Петр Болеста, также приветствовал Петра I своими стихами; они были написаны по случаю Полтавской победы. И его вирши выдержаны в том духе, который принято сейчас называть польским барокко, если иметь в виду чисто внешние признаки этого стиля — гипертрофированную пышность, языковую вычурность, любовь к длинным, витиеватым заглавиям и т. д.

Обращаясь к виршам Петра Болесты, мы прежде всего приведем полное заглавие его поэмы, занимающей 17 страниц большого формата. Называется книга П. Болесты так: «Niesmiertelna pamięć Rzádkiemu doczekana Wiekowi przy walecznym imieniu wielkiego zwycięscy najasnicyszego y najpotężniejszego Cara I Mci Rossyiskiego nad Karolem XII krolem Szwedzkim y Całym Woyskiem iego, w Generalney Bataliey Pod Połtawą, 27 iunij. 1709 tryvmfviącego Przez Piotra Bolestę, w Kancellaryey J. W. J. Mci Pana Woyewody Belzkiego H. W. K. będącego wierszem domowym XV. Julij. Roku tegoż ogłoszona»¹⁴¹.

Ни с художественной, ни с идейной стороны стихи П. Болесты ничем не замечательны. Начинается поэма маловыразительными стихами:

Woynę opowiem, którą nad Szwedami
Poniosł odważny Moskal y Finami
Męstwem wślawiony, w odwagę bogaty.

По-видимому, Болеста несколько не грешил перед истиной, когда называл свои стихи «wierszem domowym». Впрочем, выражение «wiersz domowy» имело в то время значение «традиционный польский тринадцати или одиннадцатисложный силлабический стих» и противопоставлялось «dworskiemu wierszowi» — ученой поэзии с ее сложной строфикой¹⁴².

в «Библиографической летописи имп. Общества любителей древней письменности», вып. III, 1917, отд. II, стр. 10—13. П. А. Шляпкин полагал, что автором этих вирш мог быть Степан Чижинский, имя которого известно в истории русского театра.

¹⁴¹ Экземпляр виршей П. Болесты хранится в Отделе Rossica Гос. публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина; шифр.: 13. VIII.1.282.

¹⁴² У Эстрейхера (назв. соч., т. XIII, стр. 244) указано еще одно произведение П. Болесты на тему Полтавской победы.

Следующим по времени известным нам произведением польского автора на русскую тему является анонимная: «Genealogia zasnego Jmieniem, Dzielnego Męstwem, Godnego Honorem, Jaśnie wielmożnego Jego Mosci Pana Pawła Na Jagodyniach Jaguzynskiego Generała Leytnanta Koniuszego Państw Roszyiskich, Ministra Pełnomocznego, Kawalera świętego Jędrzeia Apostoła, Rodowitego z Antenatów Polaka Dworskim Stylem Wywiedziona. Roku 1727».

Заглавие этой брошюры может навести на мысль о том, что перед нами произведение, написанное поляком о поляке. На самом деле здесь речь идет о виднейшем русском деятеле времени Петра I и Екатерины I, П. И. Ягужинском, сыне бедного литовского органиста, достигшем самых высоких степеней в тогдашней России. Во второй половине 1726 г. враждовавший с ним А. Д. Меншиков, из опасения, что Екатерина I может ввести Ягужинского в Верховный тайный совет, направил его в качестве «полномочного министра» в Польшу, чтобы повлиять на отмену выборов в герцоги курляндские Морица Саксонского. Ягужинский не пользовался в Польше авторитетом, и, возможно, именно поэтому он, чтобы произвести на поляков впечатление, и заказал какому-то безымянному писателю сочинение своей «Genealogii».

В этой книжке, больше относящейся к псевдоисторической генеалогии, чем к литературе, все же не обошлось без обязательных в XVII—XVIII вв. геральдических стихов. На обороте титульного листа книги изображен герб Ягужинских, в центре которого птица (ворон) с кольцом в клюве; под гербом напечатаны два стихотворения:

I

Co Domom iest lepszego? (wszysecy o tym wiecie),
Jak Jmie y Zasność mieć głosną po swiecie?
Ptak do lotu gotowy toż samo wydaie
Ze niesie Jaguzynskich sławę w dalsze kraie.

II

Nie ma końca, początku Pierscień w uściech Złoty,
Niekończoney iest to znak Jaguzynskich Cnoty.

За «Генеалогией Ягужинского» в наших знаниях о «русской теме» в польской литературе идет почти на целые полвека пробел, объясняемый не отсутствием материала, а, очевидно, нашей недостаточной осведомленностью о нем.

Следующее по времени произведение польского автора на русскую тему известно нам только из библиографии — самой книги мы достать в Ленинграде не могли. Это ода «Do Katarzyny II» (1774) Игнация Быковского, помещенная (как указывает К. Эстрейхер¹⁴³) в его же книге «Wieszory wieyskie» (t. I, Warszawa, 1787).

Так как И. Быковскому, помимо оды Екатерине II, принадлежит еще трижды изданная «повесть российская» «Ема у Lemozow», о которой подробнее говорится ниже, и, кроме того, им был напечатан перевод трагедии Сумарокова «Мстислав» (см. дальше), следует остановиться несколько детальнее на этой фигуре.

Насколько нам известно, И. Быковский не привлек специального внимания польских литературоведов, хотя имя его изредка мелькает в работах, посвященных переводам западных писателей в польской литературе XVIII в.¹⁴⁴ О нем нет почти никаких биографических сведений. Дата его рождения указывается по-разному. Корбут пишет, что Быковский родился «около 1750 г.», Эстрейхер, что в 1750 г.¹⁴⁵ Даты его смерти не указывает никто. По списку его печатных произведений, напечатанному у Эстрейхера (в т. I), видно, что в 1808 г. Быковский был жив. М. Вишневский в списке своих историко-литературных источников называет «Żiwoť Jgnacego Bykowskiego przez niego samego w r. 1806 napisanu»¹⁴⁶, однако в заметке о Быковском никаких дополнительных сведений не приводит. Сохранилась ли эта автобиография Быковского, мне установить не удалось. Неизвестно также, существует ли брошюра «Aplauz polskiego Apollina. Poemat (bez tytuła) na szczęść Bykowskiego», находившаяся некогда в библиотеке Варшавского университета¹⁴⁷.

Возможно, что причиной невнимания буржуазных польских литературоведов к И. Быковскому было то, что он был явным сторонником «русской партии». Наиболее подробные сведения о нем, и то в три строчки, сообщает Г. Корбут: «Jgnaci Bykowski. Ur (odził się) ok (oło) 1750 r.

¹⁴³ К. E s t r e i c h e r. Назв. соч., т. XIII, стр. 479.

¹⁴⁴ См. G. K o r b u t. Назв. соч., т. II, стр. 106—107.

¹⁴⁵ К. E s t r e i c h e r. Назв. соч., т. XIII, стр. 478.

¹⁴⁶ M. W i s z n i e w s k i. Historia literatury polskiej, t. I. Warszawa, 1840, стр. 94.

¹⁴⁷ К. E s t r e i c h e r. Назв. соч., т. XIII, стр. 478.

«Porucznik woisk rossyjskich». Przeciwnik ruchu r. 1794. Moskwofil. Szczegóły zycia nieznanego»¹⁴⁸.

Из самих произведений Быковского известно, что он начал свою службу в русских войсках под начальством П. А. Румянцева, с 1772 по 1775 г. был в действующей армии за Дунаем¹⁴⁹, по-видимому, расположением командования не пользовался и по крайней мере с 1780-х годов по 1808 г. оставался «поручиком российских войск». Возможно, что с конца XVIII в. он жил в Вильнюсе: все издания его произведений с 1798 г. выходили с пометкой «W Wilnie». К сожалению, в Ленинграде есть только очень немногие книги Быковского. Нет, в частности, его стихотворения «Wiersz do Najj. Imperatora Pawła Piotrowicza» (Wilno, 1799)¹⁵⁰. Нет и сборников Быковского «Wieczory wiejskie» (1787—1788), «Nocy wiejskie» (1788), «Wiersze» (1798) и др., в которых также могут быть произведения, связанные с русской тематикой.

Как уже отмечалось выше, ему принадлежит «российская повесть» «Ема у Lemozow», выдержавшая три издания: в 1788 (в сборнике «Kokietka, czyli Przypadki Jrysy»), в 1804 и 1808 гг. Ф. Бентковский почему-то указал в своей «Истории польской литературы», что «Ема у Lemozow» (у него — «Emma i Lemozow») — «powieść rossyjska z francuzskiego w Warszawie, 1804»¹⁵¹. Сведения эти повторил и Эстрейхер в т. I своей «Bibliografii polskiej» и указал, что существует с таким же титулом и издание 1800 г.¹⁵² Однако на титульном листе экземпляра издания 1804 г., имеющемся в Гос. публичной библиотеке, слова «z francuzskiego» отсутствуют. Не обнаружена нами повесть «Эмма и Лемозов» и среди французских произведений на русские темы. По-видимому, у Бентковского вкралась ошибка.

Мне кажется, что личность и творчество Игнатия Быковского, заслуживают того, чтобы им занялся кто-либо из польских литературоведов. Если к нему как к москвофилу

¹⁴⁸ G. K o r b u t. Назв. соч., т. II, стр. 106.

¹⁴⁹ См. посвящение П. А. Румянцеву перевода трагедии «Мстислав».

¹⁵⁰ K. E s t r e i c h e r. Назв. соч., т. XIII, стр. 480.

¹⁵¹ Felix B e n t k o w s k i. Historia literatury polskiej, t. I. Warszawa i Wilno, 1814, str. 478.

¹⁵² K. E s t r e i c h e r. Назв. соч., т. I, стр. 172. Слова «z francuzskiego», впрочем, у Эстрейхера помещены в скобках.

и противнику движения 1794 г. прежние польские литературоведы относились без должного внимания, то сейчас можно *sine ira et studio* изучить его литературное наследие и воздать ему справедливую историческую оценку.

Вскоре после написания оды Быковского «Do Katarzyny II» (1774) в Вильне была напечатана небольшая брошюра под заглавием «Z okoliczności tragedyi Rossyiskiey przez walecznych officerow Nayiasnieyszey Imperatorowy całej Rossyi Graney w Wilnie 1775 Wiersz Jmieniem Konwiktu Willenskiego Scholarum piarum». Самое стихотворение особенного интереса не представляет, оно даже не сберегло для нас названия русской трагедии, разыгранной офицерами-любителями. Однако историко-культурное значение этих вирш несомненно: они показывают, что стоявшие в Польше русские офицеры не были чужды театральным интересам и что их спектакли посещали польские зрители, притом даже из духовного звания.

Может показаться, что приведенных выше материалов недостаточно, чтобы говорить о наличии «русской темы» в польской литературе XVIII в.: во-первых, это произведения панегирического характера, имеющие все признаки либо грубой рассчитанной лести, либо специального заказа («Genealogya Jagużyńskich»); во-вторых, авторами этих произведений являются сплошь неизвестные или малоизвестные писатели; в-третьих, нет данных, что эта хвалебная поэзия имела широкое распространение среди польских читателей XVIII в. На эти доводы можно бы ответить, что для нас существенно важно собрать все эти разрозненные, рассыпанные в разных местах факты и тем самым подготовить почву для дальнейших исследований. Самое же главное соображение: если бы польские отклики на «русскую тему» в XVIII в. ограничивались только приведенными материалами или подобными им, едва ли стоило бы заниматься ими. Однако наряду с этими посредственными панегириками мы находим ряд произведений выдающихся польских писателей XVIII в., в литературном наследии которых есть подлинно художественные творения на «русскую тему» и вовсе не панегирического содержания.

В последнюю треть XVIII в., со времени возведения на престол Станислава-Августа, ставленника Екатерины II,

личность русской императрицы часто становилась объектом сатирических нападков. Не сомневаемся, что специалисты по польской литературе эпохи Просвещения могли бы собрать большой и интересный материал этого рода.

Кое-что уже известно, и мы остановимся на важнейших фактах.

В 1775 г. Игнатий Красицкий пишет свою знаменитую проио-комическую поэму «Мышеида», в которой высмеивает политические порядки современной ему Польши.

Уже давно было высказано мнение, что в «Мышеиде» Красицкий «представил в образе котов, врагов мышей, — русских; под котом Мручиславом понимают русского посла Решнина, под княжню Духною — Екатерину II, под Попелем — Станислава-Августа и т. д. Целью поэта было опозорить польского короля за то, что, вопреки его советам, он искал поддержки и помощи в России»¹⁵³.

Среди персонажей «Мышеиды» есть ведьма, которая «уже заранее определяет судьбу борющихся героев, вождя котов Мручислава и вождя мышей Грызомира»¹⁵⁴. Красицкий так изображает это страшилище:

Входит чудовище, престарелая баба,
Что жила до сих пор на границе;
Посиневшие уста, все лицо в морщинах,
Во лбу ее светятся запавшие глаза;
Полтора только зуба у нее во рту.
Узнал он [Грызомир] по виду тотчас ведьму...¹⁵⁵

В этом традиционном портрете ведьмы обращает на себя внимание то обстоятельство, что она «жила до сих пор на границе» Польши (ведь дело происходит именно там). Кто же эта ведьма, которая предопределяет заранее борьбу Мручислава и Грызомира и которая жила до сих пор за польской границей? Ответ в условиях 1775 г., после первого раздела Польши, может быть только один: это — Екатерина II¹⁵⁶.

¹⁵³ В. В. Макушев. Станислав Трембецкий, замечательнейший сторонник России в польской поэзии конца XVIII века. — «Древняя и новая Россия», 1878, т. II, № 8, стр. 261.

¹⁵⁴ С. С. Советов. Героио-комическая поэма в Польше в XVIII веке (рукопись). Л., 1942, стр. 51.

¹⁵⁵ Там же, стр. 64. Подстрочный перевод С. С. Советова.

¹⁵⁶ У меня не было возможности подробно познакомиться с литературой по творческой истории «Мышеиды» и с интерпретацией

Прав ли Макушев и верно ли наше предположение, — вопрос не столь уж существенный. Важно то, что «Мышеида» Красицкого дает основания для подобных истолкований.

Выступал против политики Екатерины и Ю. У. Немцевич, выдающийся поэт, вдохновивший Рылеева своими патриотическими «Dumami». Аджютант Т. Косцюшки, Немцевич разделил с ним плен и заключение в Петропавловской крепости. «В своих сатирах, баснях и думах, — как указывает В. В. Макушев, к реакционным взглядам которого следует, впрочем, относиться с большой осторожностью, — <Немцевич> часто несправедливо винит нас в гибели своего отечества и проповедует против нас крестовый поход»¹⁵⁷. В то же время Немцевич интересовался русским фольклором и перевел на польский язык одну из замечательных русских народных песен (см. дальше).

Из биографии другого выдающегося польского поэта, К. Венгерского, известно, что в 1779 г. ему пришлось покинуть родину из-за написанного им пасквиля на Екатерину II. В рукописном наследии Венгерского, по указанию Г. Корбута, находится «сатира на Екатерину II под заглавием «Катеринеида»...»¹⁵⁸

Среди произведений противников Екатерины следует также напомнить упоминавшуюся выше «трагическую оперу» И. В. Маревича «Полюся, дочь колесника».

Было бы нецелесообразно заняться здесь вопросом о том, в какой мере правильна или неправильна была позиция тех или иных польских противников Екатерины, тем более что среди них, насколько можно судить по имеющимся в нашем распоряжении материалам, были люди разных политических и классовых воззрений. Будущему исследователю предстоит показать и то, что их разделяло, а не только остановиться на объединявшей их вражде к Екатерине II.

Были, однако, в тогдашней польской литературе писатели, не разделявшие этой вражды. Так, иную позицию

этой поэмы, в частности, с книгой С. Грушинского (S. Gruszczyński). «O znaczeniu «Myszeidy» (Poznań, 1863), указанной у Корбута, и статьей Л. Бернацкого (L. Bernacki) «Przyczynki do genezy i dziejów «Myszeidy» Krasickiego» («Sprawozdania z czynności Zakładu Narodowego imienia Ossolińskich za rok 1909», Lwów, 1910).

¹⁵⁷ В. В. Макушев. Назв. соч., стр. 261.

¹⁵⁸ Г. Корбут. Назв. соч., т. II, стр. 93.

в отношении Екатерины II занимали А. Нарушевич и С. Трембецкий. Первый, как известно, сопровождал Станислава-Августа во время поезда последнего по Украине и описал это путешествие в особой книге, где имеются сведения о русской императрице и ее окружении. Выше уже указывалось, что в Киеве Нарушевич поднес Екатерине II свою книгу «Таурыка». Одновременно с книгой польский поэт вручил императрице свои специально на этот случай написанные стихи. Они напечатаны отдельной брошюрой под заглавием «Wiersz do Nayiasnieyszey Katarzyny II, Imperatorowey Caley Rossyi Przy oddaniu Dzieła pod Tytułem Tauryka, czyli Wiadomości starożytne i późnieysze o mieszkancach Krymu do naszych czasów Od Autora w Kijowie przytomnego offiarowany Roku 1787»¹⁵⁹. Изыщные стихи Нарушевича не представляют особого интереса — это обычные «подносные» стихи XVIII в.

В сущности, такой же характер имеют переведенные Нарушевичем с итальянского стихи «На отбытие русского флота в Архипелаг»¹⁶⁰.

Еще более тесные связи с современной ему Россией были у С. Трембецкого. Об этом существует уже достаточно богатая литература¹⁶¹, и поэтому мы не станем подробно останавливаться на этом вопросе.

Из рассмотренных нами материалов можно сделать заключение, что в XVIII в. в польской поэзии как эпохи барокко, так и эпохи Просвещения «русская» тема присутствует и к концу столетия количественно и, главное, качественно вырастает. В последний период она имеет подчеркнуто политический, публицистический характер, но за немногими исключениями («Мышеида») не выдвигает произведений, которые остались бы в числе шедевров

¹⁵⁹ Экземпляр этой брошюры хранится в Гос. публичной библиотеке в Ленинграде в Отделе Rossica (шифр.: 13.IX.2.18).

¹⁶⁰ Adama Stanisława Naruszewicza Liryka, t. I. Warszawa, 1778, str. 219—220.

¹⁶¹ В. В. Макушев. Назв. соч., стр. 276—283; И. И. Пеголов. Славяне, их взаимные отношения и связи, т. II, стр. 184—185 и 195—197 и passim. См. также по указателю имен в т. III, ч. 2; E. W o r o n i e s k i. Stanisław Trembecki jako sławianofil.— «Biblioteka warszawska», 1913, luty—marzec; P. D a n e k. Stosunek Trembeckiego do Rosji.— «Sprawa gimnazji I w Taronwie», 1914. С последней работой мне не пришлось познакомиться — в ленинградских государственных библиотеках ее нет.

польской поэзии. Все это были творения, вызванные агонией польской шляхетной государственности, и именно как исторические документы эпохи они главным образом и привлекали внимание. Однако к изучению их следует подойти и с точки зрения русско-польских литературных связей. Вызвавшие их исторические события и силы, определившие эти последние,— русское самодержавие, корыстные расчеты Пруссии и Австрии,— все это исчезло. Дружественные отношения народной Польши и Советской России делают возможным спокойное, научно-беспристрастное изучение всех этих материалов, чтобы найти точные, взвешенные формулировки для их оценки.

г) Польские переводы русских произведений в XVIII в.

Польские переводы из русских авторов, сделанные в XVIII в., еще мало выявлены. Поэтому здесь я ограничусь простым библиографическим списком обнаруженных переводов.

Самым ранним переводом с русского на польский был, кажется, указанный в «*Historya literatury polskiej*» Феликса Бентковского перевод книги «*Pamiętniki filozofa Samotnika, czyli człowieka z innego świata, po Chińsku i po Moskiewsku napisane, z Wołoskiego na polski język przelożone. W Warszawie, 1784*»¹⁶². Книга эта отсутствует в Ленинграде. Оригинал ее на русском языке мне неизвестен. Возможно, что это — псевдоперевод.

В 1786 г. переводчик королевской экспедиции российской, Игнаций Манугевич¹⁶³, перевел и издал в свет «*Zbiór ciekawych wiadomości od początku wynalezienia Nowych Kraiow w Rossyi Dla których odkrycia Piotr Wielki Imperator Rosyjski Pierwszy wydał Plantą. Z Rosyjskiego Języka Przetłumaczony*» (Warszawa, 1786). К сожалению, мне не удалось пока установить, какое русское произведение было переведено И. Манугевичем. Эстрейхер указывает, что было переведено не русское сочинение, а книга

¹⁶² Felix B e n t k o w s k i. *Historya literatury polskiej*, t. 1, Wilno, 1814, str. 476.

¹⁶³ О нем см.: К. E s t r e i c h e r. Назв. соч., т. XXII, стр. 133. Здесь перечислены и другие научные переводы Манугевича с русского.

англичанина В. Кокса ¹⁶⁴. Во всяком случае если это все-таки перевод с русского, то перевод произведения не художественной, а современной политической или исторической литературы, каких, надо полагать, было в то время немало.

В 1788 г. в Варшаве был издан первый известный нам польский перевод русского художественного произведения. Это была трагедия А. П. Сумарокова «Мстислав», последняя и далеко не лучшая пьеса этого крупного русского трагика XVIII в. Перевод был сделан известным нам по предыдущим страницам И. Быковским ¹⁶⁵. На стр. 3—5 находится посвящение графу П. А. Румянцеву, содержащее кое-какие биографические данные о переводчике. Беглое сравнение перевода с русским оригиналом показывает, что Быковский в общем придерживался подлинника, местами сокращая текст и не всегда соблюдая образы оригинала.

В 1912 г. в рецензии на книгу Э. Колодзейчика В. А. Францев указал, что в библиотеке Замоиских в Варшаве хранятся рукописные переводы двух произведений Сумарокова (по №№ 976 и 989): «Poprawa zepsutych obyczajów. Komedja» и «Semira, czyli Podbicie Kijowa. Tragedja» ¹⁶⁶. Ни даты, ни имени переводчика В. А. Францев не сообщил. Второе из названных произведений не вызывает сомнений. Это — известная трагедия Сумарокова «Семира». Какая из двенадцати комедий Сумарокова была переведена под названием «Poprawa zepsutych obyczajów», сказать трудно, так как каждая из сумароковских пьес этого жанра ставила своей целью «исправление развращенных нравов».

Возможно, что, переведя «Мстислава», И. Быковский продолжил свою работу по ознакомлению польского читателя с творчеством крупнейшего русского драматурга XVIII в., и ему принадлежат отмеченные Францевым пьесы. Сохранилась ли эта часть библиотеки Замоиских, сведений у меня нет.

¹⁶⁴ K. E s t r e i c h e r. Назв. соч., т. XIV, стр. 435. Он имеет в виду «Account of the Russian discoveries between Asia and America». London, 1780 (у Эстрейхера — 1779).

¹⁶⁵ «Summorokowa Alexandra Tragedya Mscislaw, przez Jgnacego Wykowskiego na wiersz polski przelożona». W Warszawie, 1788, 72 str.

¹⁶⁶ «Русский филологический вестник», 1912, № 1—2, стр. 390.

Следующим известным мне польским переводом русского литературного произведения является «Oda Czas», написанная в 1790 г. неизвестным в русской литературе офицером И. Скерлетом, переведенная на польский язык королевским секретарем И. Манугевичем и переложенная в стихи Франциском Макульским¹⁶⁷. Не имеющая никакого художественного значения, ода Скерлета характерна как свидетельство русско-польских литературных контактов эпохи Четырехлетнего сейма.

Последний отдельно изданный в XVIII в. перевод с русского на польский — это «Tureczyn woiażuiacy. Z Rossyiskiego W Supraslu, 1797, 150 str.»¹⁶⁸ Книги этой мне видеть не удалось. В русской литературе XVIII в. произведения с таким заглавием пока не обнаружено.

Чтобы иметь полное представление о степени знакомства польских читателей с русской литературой в переводах или в известиях о ней, следовало бы подвергнуть систематическому просмотру польские периодические издания конца XVIII — начала XIX в., хотя бы: 1. «Kurjer Litewski», Wilno, 1797—1833; 2. «Roczniki towarzystwa warszawskiego przyjaciół nauk», Warszawa, 1802—1828; 3. «Dziennik Wileński», Wilno, 1805—1830; 4. «Gazeta literacka Wileńska», Wilno, 1806 и др.

Можно не сомневаться, что в некоторых из перечисленных изданий (в особенности в «Dzienniku wileńskim») будут обнаружены материалы из области польско-русских литературных отношений. Даже беглый просмотр этого журнала показал, что его издатели проявили большой интерес к творчеству Карамзина, Хераскова и других русских писателей. Не исключена возможность и того, что в более ранних периодических изданиях также окажутся переводы из русских авторов. Так, по данным В. А. Францева, Ю. У. Немцевич перевел на польский язык

¹⁶⁷ «Oda Czas, przez J. Pana Eliasza Skerleta, sztabs-officjera rossyiskiego woiażuiącego kawalera wierszem w rossyiskim ięzyku dnia I. wrzesnia Roku 1790 napisana, przez J. P. Manugiewicza sekretarza J. K. Mci Prozą Przetłumaczona a przez Franciszka Makulskiego wierszem Przełożona». W Warszawie, s. a. Экземпляр этой оды имеется в Гос. публичной библиотеке (шифр: 13.VIII. 2. 1134). О Фр. Макульском см.: F. B e n t k o w s k i. Назв. соч., т. I, стр. 393; K. E s t r e i c h e r. Назв. соч., т. XXII, стр. 63.

¹⁶⁸ F. B e n t k o w s k i. Назв. соч., т. I, стр. 477.

русскую народную песню «Уж как пал туман»¹⁶⁹, но где был напечатан перевод, в журнале или в книге, Францев не указал.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предложенные вниманию читателя материалы не претендуют на исчерпывающий характер и требуют историко-литературного осмысления.

Совершенно ясно, что обычное представление о полном отсутствии русско-польских литературных связей до XIX в. в свете изложенных фактов должно быть решительно пересмотрено.

Однако встает другой вопрос — отразились ли и в какой мере отразились на развитии обеих литератур русско-польские литературные контакты. Ответить на него при нынешнем положении изучаемой проблемы с полной уверенностью и правильностью нельзя. Целью нашего доклада было собрать первичный материал. Следующий этап подготовительных работ в области изучения русско-польских литературных связей должен состоять в сборе отзывов о русских произведениях в статьях, письмах, дневниках, путешествиях поляков и, наоборот, о польских произведениях в соответствующих русских источниках. Лишь тогда мы сможем учесть реальное значение этих культурных контактов. Один факт перевода или написания оригинального произведения на «русскую» или «польскую» тему сам по себе мало значит. Необходимо определить, если это окажется возможным, его резонанс, его значение.

Нам кажется, что трудность предстоящего этапа работы не должна оттолкнуть исследователя: его ждут наряду с неудачами и несомненные достижения. Чего стоит, например, беглое замечание в конце цитированного выше письма Лазаря Барановича к царю Алексею Михайловичу о том, что московские книжники «чтут книги и истории ляцкие в сладость»!

Материалы о русско-польских связях, не только литературных, но и культурных, неожиданно оказываются в разных источниках. Так, в письмах Д. И. Фонвизина к родным и к Я. И. Булгакову, написанных им из Варшавы

¹⁶⁹ «Русский филологический вестник», 1912, № 1—2, стр. 385.

во время первого заграничного путешествия в 1777 г., находится не мало интересных деталей эпохи и живых, хотя и не всегда правильных, впечатлений замечательного писателя ¹⁷⁰.

Вот, например, беглые, но любопытные замечания Фонвизина о польских спектаклях. Страстный театрал, привыкший к традиционным сценическим условностям петербургских и московских театров, где строго соблюдались французские требования к актерам в отношении париков, грима, костюмов и т. д., Фонвизин не мог понять и принять национального своеобразия игры польских артистов. Ставя высоко манеру варшавских актеров (слово «изрядно» в приводимом ниже отрывке в языке XVIII—начала XIX в. означало «выдающимся образом», «из ряда вон»), Фонвизин, насмешливый от природы и исходивший из норм русской высокой театральной стилистики, расценивал язык польских пьес как простонародный («полный» — в тогдашнем языке прежде всего «простонародный»).

«А пророс, надобно сказать тебе, — писал он сестре 18/29 сентября 1777 г. из Варшавы, — нечто и о польских спектаклях. Комедий видели мы с десятков, переводных и оригинальных. Играют изрядно, но польский язык в наших ушах кажется так смешон и подл, что мы помираем со смеху во всю пьесу; да правду сказать, странно и видеть любовника плешивого, с усами и в длинном платье» ¹⁷¹.

А вот отзыв другого русского театрала, автора статьи об истории русского театра, известного архивиста А. Ф. Малиновского, о гастролях польских актеров в Москве, по-видимому, в начале XIX в. ¹⁷². «Записка о возникновении и развитии театрального искусства в Москве со времени Алексея Михайловича по XIX век» Малиновского представляет обработку его предшествующих статей: «Записки, принадлежащие к истории российского театра» ¹⁷³ и «О российском театре от начала

¹⁷⁰ «Сочинения, письма и избранные переводы Дениса Ивановича Фонвизина». Ред. П. А. Ефремова. СПб., 1866, стр. 407—412 и 271—272.

¹⁷¹ Там же, стр. 412.

¹⁷² О датировке статьи см. ниже.

¹⁷³ «Собрание некоторых театральных сочинений, с успехом представленных на Московском публичном театре», ч. II. М., 1790, стр. 1—24.

оного до конца царствования Екатерины II»¹⁷⁴. В самом конце этой новой редакции находится заметка, озаглавленная «Польская труппа» и, насколько нам известно, не опубликованная до сих пор. Вот полный ее текст.

«За двадцать лет перед сим приезжала в Москву и польская труппа из Вильны. Игра актеров и небывалая доселе новость на нашей сцене понравились публике. Судя по кратковременному тогда успеху, можно полагать, что сходство польского языка с русским, при значительных талантах, приманило бы и теперь в театр много зрителей»¹⁷⁵.

Слова «за двадцать лет перед сим» непонятны. Относятся ли они к предыдущему («...1805 г. появилась немецкая труппа... Через 15 лет (т. е. в течение 15 лет, до 1820 г.) представлялись и т. д.») или ко времени писания статьи, т. е. после 1822 г. (умер Малиновский в 1840 г.), сказать трудно. В известных нам источниках сведения о гастролях виленских актеров не сохранились. Во всяком случае речь может идти либо о конце XVIII, либо о начале XIX в. (не позднее 1820 г.).

Заметка Малиновского сообщает об успехе польской труппы, о значительных талантах среди ее актеров, содержит сочувственный отзыв о выгодном сходстве польского языка с русским и т. д. Как не похоже это на насмешливую характеристику польского театра у Фонвизина!

Мы привели эти два отзыва о польском театре конца XVIII — начала XIX в. не для того, чтобы показать разные реакции на одно и то же явление, а чтобы продемонстрировать, как много еще ценнейших материалов по истории русско-польских культурных и литературных связей покоится на страницах старых печатных и рукописных источников. Необходимо искать систематически, настойчиво и постоянно. И лишь тогда, когда будут собраны факты и отклики на них — как русские, так и польские, можно будет с полной научной объективностью определить историческое значение русско-польских литературных отношений XVIII в. и дать им верную оценку как подготовительному этапу русско-польских литературных связей в XIX в.

¹⁷⁴ «Отечественные записки», 1822, декабрь, № 32, стр. 289—311; 1823, март, № 35, стр. 370—399.

¹⁷⁵ Центральный гос. архив древних актов (Москва). Посольский приказ, Комедиальные дела, ф. 114, д. № 26, л. 11 об.

Д О П О Л Н Е Н И Я

К стр. 3, примечание 1, строка 1 снизу: В. М. Тамапъ.

О польской лексике в языке русских памятников XVI и первой половины XVII в. Автореферат. Л., 1953.

К стр. 4, прим. 2, строка 12 сл.: Ср. высказывание акад. В. В. Виноградова: «Не вполне ясным является ход, направление и развитие связей и взаимодействий в области лексики русского литературного языка с украинским, белорусским и польским языками». (Акад. В. В. Виноградов. Изучение русского литературного языка за последнее десятилетие в СССР. М., 1955, стр. 83).

К стр. 6, прим. 10, строка 1 сл.: T. Ulewicz. Sarmacja. Studium z problematyki słowiańskiej 15 i 16 w. Kraków, 1950 (Bibl. stud. słowiańskiego Univ. Jagell. Serii A, N 7).

К стр. 12, прим. 36, строка 1 сл.: D. Čyževskij. Zu den polnisch — russischen literarischen Beziehungen. I. Stanisław Herakliusz Lubomirski in russischer Übersetzung.— Zeitschrift für slav. Philologie, 1955, N. 2, S. 256—260.

К стр. 56, строка 16 сл.: Вместо «Оригинал ее на русском языке мне неизвестен» читать: «Возможно, что это перевод-переделка произведения маркиза д'Аржанса «Le solitaire, Philosophe, ou Mémoires de M. le M-is de Mirmon» (Amsterdam, 1736), вышедшего в русском переводе под заглавием «Маркиз Мирмон, или уединенный философ» (СПб., 1783)».

СОДЕРЖАНИЕ

I. Польско русские литературные связи до XVIII в.	5
II. Русско-польские литературные связи в XVIII в.	13
а) Знание польского языка и польской литературы в России в первой половине XVIII в.	15
б) Переводы произведений современной польской литературы во второй половине XVIII в.	26
в) Польские произведения на «русские темы» в XVIII в.	46
г) Польские переводы русских произведений в XVIII в.	56
Заключение	59
Дополнения	62

Павел Наумович Берков

**Русско-польские
литературные связи
в XVIII веке**

•

Сдано в набор 3/II 1958г. Подписано к печати 18/III 1958 г.

Формат 84 × 108¹/₂. 4 печ. л.—6,56 усл. печ. л.

3,8 уч.-изд. л. Тираж 1200 экз. Т-02817. Изд. № 3122.

Тип. зак. 136

Бесплатно

•

Издательство Академии наук СССР

Москва, Б-64, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР

Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Бесплатно